БИБЛИОТЕКА
„ИЗВЕСТИЙ"

Сильнее океана

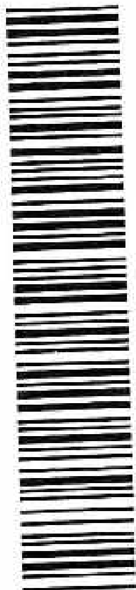

№ 5
1960

БИБЛИОТЕКА „ИЗВЕСТИЙ"

СИЛЬНЕЕ ОКЕАНА

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

№ 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ИЗВЕСТИЯ"
МОСКВА · 1960

Весь мир был изумлен беспримерным подвигом четырех советских воинов, которые вышли победителями в 49-дневном поединке с разбушевавшимся океаном.

В телеграмме товарища Н. С. Хрущева, адресованной отважной четверке, говорится:

«Своим подвигом, беспримерной отвагой вы приумножили славу нашей Родины, воспитавшей таких мужественных людей, и советский народ по праву гордится своими отважными и верными сынами».

О том, как боролись с морской стихией четверо советских солдат, как воинская выучка, дисциплина, товарищеская спайка помогли им перенести все трудности и лишения, рассказывается в этой документальной повести.

Повесть «Сильнее океана» написана сотрудниками «Известий» В. Гольцевым, Н. Каревым, О. Строгановым, К. Тараданкиным по рассказам А. Зиганшина, Ф. Поплавского, А. Крючковского и И. Федотова.

ПЕРВАЯ СХВАТКА

Ничто, казалось, не предвещало несчастья. День на одном из небольших островов Курильской гряды начался обычно, как и многие другие. Рано утром горнист сыграл подъем, и команды солдат потянулись к стоящим у причалов катерам, самоходным баржам, маленьким военным судам, несущим патрульную службу у восточных берегов нашей Отчизны.

Холодный ветер обжигал лица. Зелено-стеклянная волна, разбежавшись, с ревом била о каменистый берег, рассыпаясь мириадами брызг, откатывалась, чтобы тотчас с новой силой обрушиться на скалы. На рев океана и ветра, на снежную непогоду никто не обращал внимания. Это обычно для здешних мест.

Когда еще в начале службы в часть пришло молодое пополнение, командир подразделения, построив новобранцев, спросил:

— Знаете, куда прибыли служить?

В строю возникло минутное замешательство, а потом звонкий голос отчеканил:

— На крайнюю точку советской земли, товарищ капитан.

— Почти что так. А вам откуда известно?

— Да мы, почитай, здешние, приморские. Может, слышали, поселок Большой Камень?

— Чем же знаменит ваш Большой Камень?

— Ремонтники мы, суда рыбацкие в порядок приводим.

— А в море бывать приходилось?

— Приходилось, а как же!

— Значит, с «обстановочкой» знаком?

— Не совсем, конечно, но познакомимся на службе.

Строй одобрительно загудел. Офицер спросил:

— А как зовут вас, солдат?

— Рядовой Иван Федотов, товарищ капитан.

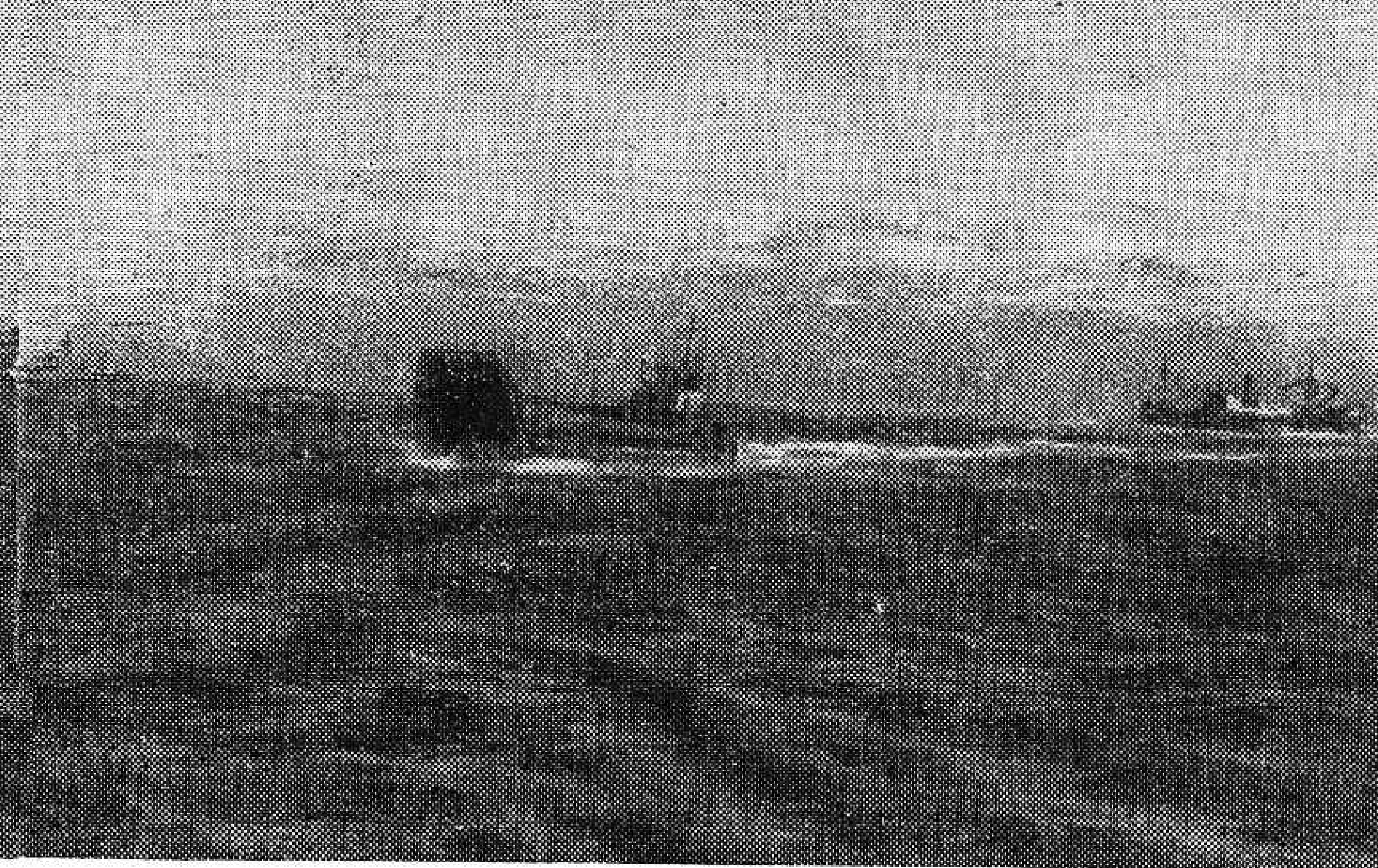
— Ну что ж, дальневосточник, помогайте дружкам осваивать «обстановочку»,— улыбнулся командир. А затем, обращаясь ко всему строю, начальственно сказал:

— Служба наша нелегкая. На Курилах служить — с непогодой дружить. Это зарубите себе каждый, возьмите за правило. Ветру спину не подставляй, а иди на него грудью, смотри вперед. Тогда и с пути не собьешься, и задачу свою выполнишь...

Молодое пополнение быстро обжилось. Но солдаты не забыли брошенную как бы невзначай поговорку командира: «На Курилах служить — с непогодой дружить». Они любили ее повторять, особенно когда океан лютовал.

...Последние два дня экипаж самоходной баржи «Т-36» буксировал плоты.

На метеорологическом пункте висела фанерная дощечка. Крупными черными буквами по красному на ней было написано: «Погода». Затем шли скупые пометки, которые делал метеоролог слабым мелком,— о силе ветра, о баллах морской волны, а далее крупно значилось: «Выход в море воспрещен».

Самоходная баржа «Т-36» на рейде в родной гавани.

Но утром командир подразделения вызвал младшего сержанта Зиганшина и распорядился:

— На рейде волна рвет сплотку. Надо спасать лес. Пойдете на самоходке к плотам и подтянете их в бухту. Будьте осторожны, смотри, чтобы баржу не выбросило на плоты. На подходах к берегу опасайтесь мели. Задание ответственное. Поручаю вашему экипажу.

— Есть, товарищ командир. Будет исполнено.

Два дня в бурлящих водоворотах работало судно Зиганшина на рейде. Команда выполнила задание: плоты были отбуксированы в безопасное место.

15 января самоходку поставили у пирса на профилактический ремонт. Рядовые Поплавский и Крючковский

проверяли моторы. Время от времени они поднимались, измазанные мазутом, наверх, чтобы подышать свежим воздухом. На палубе действовали Зиганшин и рядовой Федотов. К вечеру в субботу, 16 января, работы были закончены.

Зиганшин доложил командиру подразделения:

— Профилактический ремонт проведен. Самоходная баржа «Т-36» к выполнению задания готова.

— Добро.

— Разрешите экипажу сойти на берег.

— Разрешаю, кроме вахтенных.

— Айда, ребята, в баню,— сказал Зиганшин.

— Ох, люблю баньку! Только вот веничков таких, как у нас в Приморье, здесь нет. Знаешь, как у нас парятся? Мужики в баню из избы зимой босиком идут. А в баньке подбросят кипяточка на камешки и пошли хлестать друг друга веничком, веничком! А потом нагишом на снег: кувыркнется эдак раза два-три, метров пять в снегу след проложит, и опять на полочек, и опять веничком! — с увлечением рассказывал Федотов.

— Да, брат, веничка здесь нету, дубки тут не растут, не та природа. Но мы тебя песочком отдраим,— в тон ему балагурил Поплавский.

После бани можно было пойти в кино. В красном уголке подразделения показывали кинофильм «В мире безмолвия». Надо было решать, кому на судно на вахту, кому — в кино. Распарившийся в бане, Поплавский зябко ежился. Федотов тоже ладонью закрывал глаза от ветра. Крючковский съехидничал:

— Эге, дальневосточник, забыл, видно: «На Курилах служить — с непогодой дружить».

— Да вьюжит больно сильно. До костей берет.

Зиганшин немного подумал, а потом распорядился:

— Крючковский со мной на баржу, на вахту. А вам

до смены разрешаю посмотреть кино, но с условием рассказать потом со всеми подробностями, как и что.

— Будет исполнено, товарищ младший сержант,— не скрывая удовольствия, отрапортовал Федотов.

И солдаты разошлись в разные стороны. Поплавский и Федотов — в красный уголок подразделения на киносеанс, Крючковский и Зиганшин — на баржу нести вахту.

К вечеру погода окончательно испортилась. Дежурный отдал распоряжение:

— Экипажам в полном составе находиться на судах.

Самоходная баржа «Т-36» стояла в 250 метрах от берега у «бочки», скрепленная тросами с баржей «Т-97». С утра экипажу предстояло перевозить на берег от парохода, который стоял на рейде, прибывшие в поселок грузы.

Погода становилась все хуже и хуже. Ветер рвал оснастку баржи, подбрасывал судно на волнах, как мячик.

— Быть шторму,— тихо сказал всегда спокойный Поплавский.

— Да, ветер крепчает, к ночи может нагнать большую волну,— согласился Крючковский.

Федотов грел застывшие руки у моторов, думал о доме, о жене, о том, что у него должен скоро родиться сын. Накануне он послал домой письмо. В нем, рассказывая о солдатской жизни, писал:

«Сейчас работаю на катере. После праздника послали на воду. На воде холодновато. Дуют сильные ветры, дуют подряд несколько суток. Катер сильно болтает. К берегу не подходим по три и даже пять дней. Все время стоим на рейде. Когда ветер дует с океана, катер ложится в дрейф.

Понемногу знакомлюсь с двигателями, что стоят на нашем катере. Ну и заодно учусь управлять катером. Здесь есть возможность выучиться на старшину катера».

Вспомнив эти строки, Иван широко улыбнулся.

— Ты чему радуешься, солдат? — удивленно спросил Крючковский.

— Да пришло на память свое письмо до дому. Описал я там нашу зловредную погодку и все думал, что не поверят мне семейные. Скажут: нагоняет для жалости на нас Иван страху. А он вон как бушует, наш Тихий. Злость его пером не описать...

Мощный порыв ветра и крутая волна резко рванули баржу. Трос, которым она была скреплена с соседней баржей, лопнул. Волны подхватили и понесли судно в ночную тьму.

— Запустить моторы,— приказал младший сержант.

С огромным трудом подошли к соседней барже. Попытались закинуть на нее швартовы. Но новый соленый вал и новый порыв ветра отбросили баржу в сторону.

Началась борьба с океаном.

Пытались по радио договориться с соседней баржей держаться вместе, помогать друг другу, но вскоре связь с соседями прекратилась.

Послали радиограмму на берег:

«Моторы работают на полную мощность. Боремся с ураганом и течением. Настроение экипажа бодрое.

Старшина баржи Зиганшин».

Баржу со страшной силой понесло на прибрежные скалы, угрожая разбить в куски. Нависла смертельная опасность. И в этот момент солдаты сквозь рев снежной бури и океана услышали спокойный голос своего командира:

— Дружней держаться, ребята.

Снова послали радиограмму.

Ответа не было. Берег молчал. Связь нарушилась.

Взяли курс на север, к песчаным отмелям. Громадные волны подбрасывали баржу, как щепку. Они то и дело заливали рубку. Ничего не было видно, кроме бушующих волн.

Неожиданно впереди в нескольких метрах появилась какая-то темная масса.

— Скала! — раздался чей-то испуганный возглас.

Гибель казалась неминуемой. Волна несла баржу на скалу. На какое-то мгновение сержант неимоверным усилием выровнял штурвал, и баржа пронеслась в нескольких метрах от скалы.

Асхат Зиганшин не потерялся в этот критический момент. Он отдавал приказания громко, спокойно. Солдаты четко выполняли его распоряжения. Они действовали смело, слаженно, помогая друг другу бороться со штормом, вели себя, как опытные и закаленные моряки, хотя были совсем новичками в морском деле. Старшему из них едва минуло 22 года. Младший сержант Зиганшин и моторист Поплавский плавали всего один год, а механик Крючковский и солдат Федотов — лишь полгода. По сути это было их первое морское крещение.

Громадные волны яростно наваливались одна за другой на баржу, захлестывая ее, попадая в трюм. Ураган с дождем и снегом больно стегал по лицам. Ветер пронизывал холодом. Одежда оледенела. Становилось все трудней управлять баржей.

— Товарищи, держитесь крепче! На Курилах служить — с непогодой дружить! Одолеем море,— подбадривал друзей Зиганшин.

2*

ШТОРМ КРЕПЧАЕТ

Наладили рацию. И все же долго не могли связаться с берегом.

Посоветовавшись с товарищами, Асхат Зиганшин принял решение — всеми силами попытаться выброситься на песчаный берег.

— Берег, берег! Я — «Т-36». Я — «Т-36». Отвечайте. Перехожу на прием...

Наконец берег ответил:

— Как себя чувствуете? Что собираетесь делать?

Зиганшин сообщил:

— Приняли решение выброситься на песок.

Берег разрешил и передал метеосводку: ветер восточный — 30 метров в секунду, временами до 40—50 метров.

Оба мотора работали в полную силу, но волны сбивали судно с курса. Винты моторов не могли побороть напор волн и ветра. И баржу вновь понесло на каменистую прибрежную гряду. Нужно менять направление, чтобы не налететь на камни и не разбиться.

После полудня ветер резко изменил направление и вместе с волнами погнал баржу в сторону от берега — в открытый океан.

С юга Японии шел тайфун. Зародившись где-то в тропическом поясе Тихого океана, к востоку от Филиппин, он стремительно несся на северо-запад, потом на север и на восток. И повсюду, где он проходил, океан вскипал бурлящим котлом. Одна за другой высоченные волны вздымались и рушились вниз, порождая длинные шлейфы пены, взметая к небу тучи мельчайших брызг и щепы разбитых судов.

Да, суров он, Великий и Тихий, у побережья Азии! Особенно в зимнюю пору. Январь и февраль — период наивысшего развития циклонической деятельности. Тяжело достается судам, застигнутым в пути этими циклонами, когда волны перекатываются через палубу, все круша и ломая. Примерно два года назад большой океанский корабль «Генерал Панфилов», шедший с грузом из Канады, попал в циклон и подвергся такой ужасающей качке, что, как говорят моряки, «черпал воду трубами». С палубы волной были сорваны шлюпки, проломлены переборки и палубные надстройки, стальной корпус судна дал трещину. Экипаж с огромным трудом довел корабль до острова Мидуэй, где пришлось заняться ремонтом.

Вот и теперь в океане бесчинствовал один из таких страшных циклонов, захватывая все более и более обширное пространство.

Тайфун все дальше и дальше гнал баржу от островов. В зловещей тьме непогоды и ночи давно уже скрылись лучи маяков и огни на буях и створах бухты, где началась эта схватка с жестоким штормом. Сверху хлестали струи дождя, сбоку вихрями мчался снег, снизу ревели волны, и казалось — не то океан вздыбил спину до самой луны и звезд и погасил их, как угольки, не то небо упало на океан...

Зиганшин, вцепившись руками в штурвал, в уме подсчитывал скорость баржи, скорость ветра, течений, кото-

рые вместе, как сговорившись, неумолимо гнали судно в открытый океан.

— Как ни дели,— сказал Асхат Крючковскому,— все 5:1 не в нашу пользу. Сносит со скоростью впятеро большей, чем скорость нашего судна...

— Надо все из моторов выжать, всю их мощность, пока есть хоть капля горючего... Тогда нас не так далеко отнесет,— ответил Анатолий.

Но, словно издеваясь над этим, моторы вдруг сбились с ритма, закашляли, зачихали и заглохли. Надрывный вой ветра, удары волн стали слышны еще сильней.

Асхат взглянул на часы. Ровно десять вечера. Горючее кончилось. На исходе были вторые трудные сутки борьбы с разъяренным штормом. А сколько их еще впереди, тяжелых ночей и дней? Кто мог им сказать, кто знал...

Снова отказала рация. Как ни старались наладить ее, из попыток вновь связаться с берегом ничего не вышло. Мотор не работал, стал генератор. В аккумулятор попала вода, и он «сел».

Все четверо ясно сознавали, что в это время, в дьявольском шторме, за стеной дождя и мокрого снега, когда вокруг не видно ни зги, обнаружить их с самолета или с какого-нибудь большого корабля совершенно невозможно.

Зиганшин наспех, в скупых выражениях, записал в вахтенный журнал об усилиях экипажа выброситься с баржей на песчаную отмель и о всей обстановке в течение суток 17 января.

Шторм продолжал бушевать. Пушечные удары волн, от которых баржу бросало из стороны в сторону, следовали один за другим. Волны перекатывались через палубу. Вода проникла в кубрик и в трюм. Выдержит ли баржа? А люди уже выстояли, выдержали. Но схватка с бурей, продолжавшаяся непрерывно 24 часа, смертельно измотала их.

Асхат приказал:

— Марш в машинное отделение! По одному. Пока не остыли моторы. Обсушиться, погреться, набраться сил. Они еще будут нужны нам.

Мокрые до нитки, в оледеневшей одежде, ребята по очереди спускались в машинное отделение и, крепко обхватив еще теплые моторы, грелись и сушили одежду. Иногда удавалось уснуть. Но спали так, как спят моряки во время бурь, как спят солдаты во время передышки в бою, готовые немедленно вскочить, выбежать наверх на помощь товарищам. Баржу сильно качало, швыряло с волны на волну. Поэтому спали, упираясь ногами в станину мотора, а головами — в переборку.

Прошло двое суток. Все время, все силы были потрачены на борьбу с разъяренной стихией.

Рано утром 20 января шторм как будто стал выбиваться из сил. Правда, баржу еще качало. С северо-запада на нее катилась крупная зыбь, по которой Асхат догадался, что их уже отнесло в океан, возможно, на несколько сот километров. Он был прав, хотя и не знал, что 18 января утром скорость ветра составляла 120 километров в час.

Поплавский, Крючковский и Федотов находились в это время в машинном отделении. Они спали тяжелым сном. Асхат на палубе нес вахту. Смесь снега и дождя по-прежнему окатывала баржу. Небо было затянуто низкими черными тучами. Вокруг все застлало мглой. Баржа, скрипя и вздрагивая, качалась на высоких волнах. Но после всего пережитого это казалось уже затишьем.

Вахтенный осмотрел печку, установленную на палубе. Она была в порядке. Собрав все, что было под руками и что могло гореть, он затопил ее. Возникла мысль приготовить поесть, чтобы ребята, проснувшись, могли подкрепиться. Тут только и сам Зиганшин почувствовал сильный голод, почувствовал, как он устал.

На корме чудом уцелел бачок, в котором команда обычно варила пищу. В кубрике в мешке он нашел несколько картофелин. Собрав их, Зиганшин направился к бочке с пресной водой. Но ее на палубе не оказалось. Никто не заметил, как бочку смыло шальной волной. Выручил небольшой запасной бачок, который как-то случайно уцелел под ударами шторма.

Асхат стал варить картофель «на весу», так как по-прежнему сильно качало. Он держал бачок за ручки над огнем и все время балансировал. Ставить его на печку было нельзя. От качки расплескалась бы драгоценная вода и «обед» попал бы на палубу.

Сварив картофель, Зиганшин посыпал соли, добавил немного свиной тушенки. В кубрике под столом и по углам он собрал ложки. Из бачка шел приятный запах. Бережно неся в одной руке бачок, а в другой — ложки, сержант спустился в машинное отделение и весело крикнул:

— Подъем! Вставай, ребята! Нужно подкрепиться. Давно ничего не ели.

Анатолий, Филипп и Иван проснулись мгновенно.

— Ай да Асхат! Молодец, дружище! — воскликнул восторженно Толя.

— Ну зачем же ты сам, один?.. — с легким упреком обнял сержанта за плечи Иван.

Рассыпчатый картофель уничтожили с аппетитом куда большим, чем когда ели самые любимые блюда.

Поднялись на палубу. Решили прежде всего осмотреть все уцелевшее хозяйство и продовольствие.

Перед тем как разразился шторм в ночь на 17 января, на барже оставалась примерно треть пайка, который был получен командой 15 января. Продукты хранились в кубрике и были разложены все по порядку. Во время шторма их разбросало.

— Одна, две, три.., десять... пятнадцать...— считал

вслух Асхат, собирая раскатившиеся по всему кубрику картофелины. Их оказалось почти два ведра.

— Асхат, смотри, я нашел еще банку тушенки! — весело крикнул Филипп.— Вон она... закатилась под койку.

— Хорошо! Одну и я нашел. А вот банка сала.— Асхат ее взвесил в руке.— Килограмма полтора, не меньше...

Нашли и буханку хлеба. Но она пропиталась морской водой. По крупинке, как золотой песок, собирали пшено и горох. И того и другого наскребли почти килограмм. Подобрали также пачки чая и кофе.

— Вот только без пресной воды остались,— грустно сообщил Филипп.

— Жаль, конечно, но не беда,— подбодрил товарища Крючковский.— А вода в радиаторе двигателя? Эх ты, моторист,— шутливо упрекнул он Поплавского.— Про воду в моторе забыл...

Вылили воду из радиатора. Она оказалась ржавой. Но каждая капля была драгоценной, словно в пустыне. И будто в насмешку над ними вокруг ворочался океан — бездна горько-соленой воды.

Вывернув карманы, обшарив все швы, набрали полсотни спичек. Бережно их просушили. В кубрик, подальше от волн, тщательно сложили все, что только могло гореть в печке,— доски от ящика, спасательный круг, тряпки, бумагу...

— Хлопцы, придется теперь экономить...— сказал Зиганшин. Все молча ему кивнули.— Картофель придется считать по штукам. Крупу расходовать ложкой. Рассчитаем так, чтобы нам хватило, пожалуй, недели на две. А если в ближайшие дни обстановка покажет, что помощь не может прийти, еще урежем.

Командир говорил с солдатами, словно советуясь сам с собой, ничего не утаивая, не приукрашивая сложности обстановки.

СОЛДАТСКАЯ КЛЯТВА

Закончив подсчет продовольствия, Зиганшин полез в боковой карман и достал документы, завернутые в непромокаемую материю. Комсомольский билет и служебное удостоверение были в полном порядке. Морская вода их не тронула. Поплавский, Крючковский и Федотов тоже достали свои документы. Все оказалось в сохранности.

— Друзья! Комсомольские билеты и служебные удостоверения беречь как зеницу ока,— сказал Зиганшин.— Не расстанемся с ними ни при каких обстоятельствах. Будем действовать как боевая единица, выполняя свой воинский долг.

— А как же иначе. Ведь мы советские солдаты, комсомольцы,— поддержал командира Крючковский.

— Помните, ребята, наше комсомольское собрание, где мы говорили о моральном облике советского человека? — спросил Поплавский.

— Конечно помним,— подтвердил Федотов.— Ты тогда еще здорово говорил о том, что советской молодежи есть у кого учиться мужеству. Особенно у тебя складно

получилось, когда ты сказал, что советские солдаты всегда держат равнение на революционеров-большевиков, на Павку Корчагина, на героев гражданской и Отечественной войны.

— Так давайте и мы держать равнение на этих бессмертных героев,— тихо сказал Зиганшин.

Солдаты видели в командире мужественного, стойкого человека, преданного друга. И Зиганшин тоже гордился своими друзьями, вместе с которыми столько уже пережил и прошел.

Он в нескольких словах описал в вахтенном журнале настроение команды и закончил запись словами, которые только что сказал товарищам: «Будем действовать как боевая единица. Будем с честью выполнять свой воинский долг».

Посовещались... Решили питаться раз в сутки. Установили норму: три картофелины, две ложки крупы и две ложки свиной тушенки на каждого. Варить пищу будет тот, кто на вахте. Остальные ему помогают.

Был полдень 21 января. Баржу еще бросало, но можно было стоять на ногах. Асхат смертельно устал, но виду не подавал. Все штормовые дни он работал за семерых.

«И откуда только силы у него берутся?» — удивлялись про себя солдаты.

«Невысок, худощав, а поди ж ты»,— нежно думал о нем Иван.

— Давай-ка, Асхат, в машину! Тебе надо крепко выспаться,— сказал он сержанту, заступая вместо него на вахту.

По палубе было трудно ходить. Вся она оледенела и была как каток. Зиганшин спустился в машинное отделение. Там он лег на мотор, отдававший еще теплом, и моментально уснул. Он не слышал, как Поплавский, Крючковский и Федотов багром, досками и чем попало коло-

тили по палубе и по бортам, сбивая с них корку льда. Сон был глубок и тяжел.

Вдруг баржу подбросило вверх, потом швырнуло резко в сторону. От толчка Зиганшин свалился на пол, головой ударился о что-то твердое. В глазах помутнело от боли. Он чуть не потерял сознание. Наверху опять заревело. Свист ветра и грохот волн вновь взбесившегося океана ворвались в машинное отделение.

Асхат выбрался на палубу. Шторм, который несколько часов назад, казалось, выбился из сил, теперь опять обрушился на баржу. Вслед за первым тайфуном сюда докатился второй. Будто озлобленный сопротивлением четырех советских солдат, океан решил дать им новый бой и разбить суденышко в щепки. Он взял в союзники ветер и снег и дождь, хлеставшие с неба.

Баржа то взлетала вверх метров на пятнадцать, то стремительно падала вниз, в пучину. Волны катились через палубу, унося с собой все, что не было надежно укреплено. Ивана, Филиппа и Толи на палубе не оказалось. У Асхата сжалось сердце. Неужели их смыло волной? Неужели они...

— Ива-а-ан! Филипп... Анато-о-о-лий! — закричал в отчаянии Асхат.

— Ива-а-ан!..

Но в ответ — лишь грохот и вой разъяренного океана.

Зиганшин кинулся к кубрику. Навалившись на рукоятку, преодолевая крен баржи и мощный нажим ветра, плотно закупорившие дверь, Асхат с трудом отворил ее. Ветер и гребень волны, хлестнувший по палубе, с силой втолкнули его в кубрик. Мокрый до нитки, наглотавшись крутого морского рассола, он счастливо улыбался: товарищи были невредимы. От сердца сразу отлегло. Анатолий, Филипп и Иван, помогая друг другу, упираясь плечами в стены тесной каютки, бережно упаковывали продовольствие. Из-за страшных ударов волн, нале-

тавших одна на другую, из-за воя и свиста ветра они не слышали криков Асхата. В кубрик захлестывала вода, принося немало бед, и ребята, не тревожа командира, решили убрать продукты в машинное отделение. Там было надежней хранить их.

Перед тем как перенести продукты, все четверо проверили и закрепили запасной бачок с пресной водой и печку. Ходить по палубе было опасно: того и гляди, океанский вал всей своей многотонной массой рухнет на рубку, на палубу, с головой накроет четверку.

— Асхат, осторожно! Смотри, как вздыбило! — крикнул сержанту Крючковский.

— Сам будь осторожен!

— Ну и бушует штормяга. И как нас еще не накрыло? — словно удивляясь, прокричал Федотов.

— Не бойсь, не накроет... Баржа у нас сверхплавучая.

На баржу надвигался серой громадой передний вал.

— Держись, ребята!

Но и этот вал лишь подбросил судно. Оно зарылось носом в волну, вода прокатилась по палубе, а четверка продолжала свое дело.

Поддерживая друг друга, солдаты спустились в машинное отделение.

— Пока шторм, будем здесь,— сказал Зиганшин.— На палубе опасно.

Шторм бушевал три дня. Дежурили по очереди. Если удавалось несколько минут вздремнуть, ложились попарно, обнимая и согревая друг друга. Почти ничего не ели. Приготовить горячую пищу было совсем невозможно. Ели просоленный морем хлеб, отрезая каждому по тоненькому ломтику, и свиную тушенку — каждому по ложке в день. Воду пили по глотку.

Так прошло еще несколько суток.

Это были трудные дни. Но ни на мгновение друзей не покидала бодрость, уверенность в том, что их ищут, непременно найдут и помогут.

Они не ошибались.

Как только связь с баржей «Т-36» нарушилась, поисковые партии вышли на побережье: ведь в последней весточке, полученной от Зиганшина, сообщалось, что экипаж принял решение выброситься с баржей на песчаную отмель.

Люди шли навстречу урагану, низко согнувшись, продвигались медленно, чтобы обшарить каждый уголок берега, затянутого снежной мглой.

Вот и песчаная отмель. Едва различимая, чернеет в воде невысокая скала. Как будто ее здесь не было? Ну, конечно! Люди бегом бросились вперед.

Но это была не скала, а полузатонувшая баржа «Т-97», рядом с которой «Тридцать шестая» стояла на бочке в бухте.

Экипажу баржи, выбившемуся из сил, была оказана помощь. По вызову к этому району двинулись тракторы, чтобы вытащить судно на берег.

Ничего нового о судьбе второй баржи спасенные сообщить не могли: когда ураган порвал стальной трос, соединявший баржи, команды в ночи потеряли друг друга.

Поиски продолжались. Радисты, сменяя друг друга, непрерывно звали в эфире:

— Тридцать шестая! Тридцать шестая! Я — берег. Я — берег. Прием. Прием.

«Тридцать шестая» не отзывалась.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Береговые радиостанции принимали тревожные сигналы. Капитан океанского судна «Кузбасс» сообщал:

«Застигнут штормом. Волны смыли часть палубного груза, повредили грузовые стрелы и фальшборт».

Судно «Находка» радировало:

«Сорвало и разбило несколько автомашин, закрепленных на палубе».

Большие океанские суда! Что же происходит с маленьким суденышком длиной пятнадцать и шириной шесть метров?

Тревога за товарищей на берегу возрастала. Новые отряды уходили в непогоду. Москва требовала усилить поиски пропавшей баржи. И поиски на берегу и в море, несмотря на непогоду, продолжались.

Бушующее море прикрыто густой снежной пеленой. По обрывистому скалистому берегу шаг за шагом продвигаются пятнадцать человек. Они связаны одной веревкой. Ветер словно озверел, того и гляди сбросит вниз

эту горсточку людей, идущих на помощь своим товарищам.

С «корабля погоды» передавали:

«Сплошные снеговые заряды. Видимость — десять метров».

Поисковый отряд, в котором были солдаты Маслов, Душкин, Василенко, Макаров, Тропюк и другие, обнаружил прибитый к берегу волнами кусок доски. На нем была надпись: «Т-36».

— Погибли солдаты,— заключили разыскивающие.

— В такую погоду большие корабли тонут, а баржа — она, что щепка.

Но поиски продолжались.

Не исключалось, что баржу вынесло в открытый океан, и корабли, получив задание, сворачивали с курса и крейсировали, надеясь встретить втянутую в дрейф «Тридцать шестую».

Не раз поднимались в небо самолеты. Они шли на бреющем полете, едва не срезая крылом верхушки волн. Но плотный, непроницаемый туман лежал внизу, он скрывал поверхность океана, разбушевавшегося так, как случается в этих районах раз за тридцать лет.

За поисками следили Москва, Владивосток, Хабаровск, Южно-Сахалинск.

Шторм бушевал по всему побережью. Он продолжался и там, где баржа «Т-36», увлекаемая северо-западными пассатами и «течением смерти» — Куросиво — в неодолимый дрейф на юго-восток, качалась на бешеных волнах.

Испытания прошедших дней сказались на экипаже баржи. Лица у солдат осунулись. Слабость сковывала движения. Крючковский вспомнил, как в последнем письме мать просила его поберечь себя: «Толю, рідний мій, скільки я думаю про тебе, як сумує моє серце по

тобі. Та я знаю навколо тебе стільки добрих товаришів...»

Анатолий чуть улыбнулся. Отгоняя воспоминания, провел ладонью по лицу. Пальцы застряли в щетине. Он взглянул на товарищей. Их лица тоже изрядно обросли бородой.

Физические силы уменьшались, но твердость и воля непременно выстоять крепли с каждым днем. Старались как можно меньше двигаться. По утрам Зиганшин с тщательностью заправского врача исследовал здоровье ребят, проверял, не пухнут ли у них ноги. Нет, не пухнут. Никто не заболел цынгой, не простыл. Молодость не сдавалась. Помогла хорошая закалка. Не зря Зиганшин занимался упражнениями на турнике и брусьях, бегал на сто и тысячу метров. Недаром со штангой и двухпудовыми гирями любил повозиться Крючковский. Увлекался спортом Федотов. Поплавский занимался гимнастикой и акробатикой. Как это помогало теперь преодолевать невзгоды!

К утру 27 января шторм, точно опять утомленный схваткой с отважной четверкой, понемногу начал стихать. К десяти часам его сила была примерно всего четыре балла. Волны продолжали трепать баржу, но уже не перекатывались через палубу. Снегопад прекратился, но видимости по-прежнему никакой. Густой туман обволакивал судно. Низко нависшее небо плакало липкой моросью.

Асхат, Анатолий, Филипп и Иван, пошатываясь, поднялись на палубу. Прежде всего проверили бачок с водой и печь. Они были в сохранности. Не очень пострадал и кубрик, хотя внутри все было перевернуто и разворочено.

Собирая разбросанные вещи, Филипп вдруг вспомнил о гармонии. Он нашел ее в сундучке под койкой,

почти целую, не поврежденную штормом. Только клапаны отсырели.

Филипп взял гармонь, осторожно прошелся пальцами по ладам. Басы простуженно сипели, зато на высоких нотах звук был по-прежнему чистым и звонким.

Команда строго вела счет дням, чтобы не затеряться во времени. Что бы ни творилось вокруг, как бы ни осложнялась обстановка, Зиганшин, Поплавский, Крючковский, Федотов продолжали нести свою солдатскую службу. Четыре человека были спаяны сознанием долга и той дружбой, которая удесятеряет силы.

Каждый раз, перед тем как готовить пищу, еще и еще пересчитывали запасы продовольствия. Они были ничтожно малы. Было решено вновь сократить норму продуктов, опускаемых в бачок. Хлеба уже не осталось. Свиной тушенки, как ни растягивай, хватит на несколько дней. Теперь дневная норма каждого состояла из картофелины, ложки крупы и пол-ложки жира.

Все находились на палубе. Поплавский растопил печку. Зиганшин и Крючковский грелись возле нее. Федотов вычистил бачок, налил в него воды, опустил четыре ложки крупы, четыре картофелины и отмерил две ложки жира: этой скудной порцией полагалось заправлять похлебку, когда она поспевала.

Иван держал бачок на весу над огнем и сосредоточенно следил, как закипает вода. Вдруг он официальным тоном спросил:

— Товарищи, какое сегодня число?

— Двадцать седьмое января. Забыл? — ответил Поплавский.

— Никак нет. Разрешите доложить, что сегодня Анатолию Федоровичу Крючковскому исполнился двадцать один год.

— И впрямь! — воскликнул Зиганшин.— Совсем было упустили из виду.

— Скрыть хотел? Не выйдет, приглашай в гости!—пошутил Поплавский.

Застенчиво улыбаясь, Анатолий выслушивал поздравления друзей, пожимавших ему руку:

— Жить тебе, Толя, еще двадцать раз по двадцати одному году.

— Товарищ командир, надо бы отметить этот торжественный день,— предложил Федотов.

Зиганшин вопросительно взглянул на остальных. Анатолий все так же смущенно пожал плечами, Поплавский согласно кивнул головой.

— По случаю дня рождения Анатолия Федоровича Крючковского удвоить норму! — весело распорядился Зиганшин.

В бачке прибавилось еще четыре ложки крупы и четыре картофелины. Удвоилась и порция жира.

Но от двойной порции воды, которую друзья хотели преподнести Анатолию в виде подарка, он категорически отказался.

Он благодарно взглянул на товарищей, облизнул пересохшие губы и тихо, но твердо сказал:

— Ни за что. Если уж решили удвоить сегодня общую норму еды, то и эту воду — на всех.

Наконец похлебка поспела. Она казалась отменно вкусной, самой лучшей за все время скитаний по океану. А потом по случаю «семейного праздника», как сказал Федотов, Поплавский объявил «большой концерт художественной самодеятельности».

Филипп мягко перебирал быстрыми пальцами лады старенькой гармоники. Друзья подхватывали знакомые мелодии. Спели песенку «Снежинки».

— Сыграй, Филипп, «Тишину»,—попросил Зиганшин.

Над морем возник тихий, сердечный напев:

Ночью за окном метет метель,
Белый беспокойный снег.
Ты живешь за тридевять земель
И не вспоминаешь обо мне...

— Стоп, не годится,— оборвал музыку Иван.— Как же так «не вспоминаешь»? Вспоминают о нас. Непременно помнят. А как же иначе?

Филипп стал наигрывать мелодии из кинофильмов, пели, вспоминая слова. Читали любимые стихи. Снова пели, и долго, пока ночная тьма не окутала все вокруг, на барже звучала гармошка.

Период с 27 по 31 января описан в вахтенном журнале так:

«Погода не меняется, баржа продолжает дрейф при четырехбалльном шторме. Все больше проводим время в машинном отделении, стараемся двигаться как можно меньше, бережем силы. Погода становится яснее. Зона видимости расширяется. Дежурим на палубе по очереди днем и ночью. Обед готовим ежедневно, питаемся попрежнему раз в сутки. Строго выдерживаем норму: по одной картофелине, по одной ложке крупы на человека, по две ложки жира на всех. Продуктов осталось очень немного, на несколько дней. Выдержим? Выдержим!»

БОРЬБА ЗА ОГОНЬ

Первого февраля кончилась свиная тушенка. Совсем мало осталось топлива: часть спасательного круга, три дощечки и немного бумаги для растопки. В машинном отделении стало холодно.

Топливный вопрос очень беспокоил всех. После долгого раздумья Зиганшин сказал:

— Надо откачать воду из трюма и добраться до бака с горючим.

— Понимаю,— подхватил Крючковский.—Ведь трубка, по которой горючее подается в мотор, вмонтирована выше днища. Значит...

— Значит,— перебил его Поплавский,— в баке на дне еще должно остаться горючее.

— Может быть, его хватит, чтобы прогреть моторы? — предположил Федотов.

Все были готовы тотчас взяться за работу. Но возникла непредвиденная задержка: отказала помпа.

За нее принялся Крючковский. Остальные помогали ему. К вечеру помпа начала действовать.

— Завтра с утра — за работу. Создаются две смены:

я с Поплавским, Крючковский с Федотовым,— сказал Зиганшин.

Утром второго февраля у помпы стала первая смена. Крючковский и Федотов работали два часа. Медленно, но все же понижался уровень воды в затопленном трюме. Зиганшину и Поплавскому удалось поработать только час: помпа снова вышла из строя. Остаток дня ремонтировали ее, соревнуясь в изобретательности, настойчивости и терпении. В конце концов добились своего: помпа снова начала качать воду.

На другой день работы возобновились с новой энергией, на которую были способны люди после пережитых лишений. К помпе теперь безотказно становилась то одна, то другая смена. К вечеру воды в трюме оставалось примерно на треть.

И вот четвертого февраля показалось дно трюма. Спустились. С трудом отвернули крышку бака. Горючее в нем действительно оставалось. Но команду, потратившую столько усилий, чтобы добраться до него, ждало жестокое разочарование. В бак через невидимое глазу отверстие проникла морская вода.

Спустилась ночь. Все мучительно устали, выкачивая воду из трюма, но никто не сомкнул глаз. Думы были заняты одним — где найти топливо, чтобы хоть не каждый день, но готовить горячую пищу. Можно было бы начать разборку кубрика или палубы — исключительность положения оправдывала это. Нет, такой мысли даже не возникало. Они любили свое суденышко, израненное, но по-прежнему стойко переносившее яростные удары океана. Разбирать кубрик или палубу?! Ни при каких обстоятельствах! «Тридцать шестая» должна остаться в сохранности. Мнение на этот счет было единодушным.

Рано утром 7 февраля поднялись на палубу. И опять каждым владела неотступная мысль: где взять топливо?

Вдруг Зиганшин, стоявший у борта, резко повернулся к товарищам и воскликнул:

— Кранцы!

— Их можно сжечь,— согласились Крючковский и Поплавский, а Федотов закричал:

— Ура!

Кранцы — четыре резиновые автопокрышки, висящие по бокам баржи, чтобы предохранить ее от ударов во время стоянки у причала или при буксировке несамоходных барж.

Как ни бесновался многодневный шторм, кранцы уцелели. Тут же общими усилиями один из них вытащили на палубу. А как резать тугую, неподатливую резину? В распоряжении экипажа был единственный и притом изрядно тупой кухонный нож. Пустили его в дело.

Резали по очереди, шутками подбадривая друг друга.

— Полыхнет, как сухая береза, или будет дымить, как кизяк? — с ухмылкой спрашивал Крючковский.

— Сгорит, но, конечно, с запашком...

— Не страшно. Кубрик проветривается самим океаном.

Хотя работа продвигалась крайне медленно — за два часа удалось сделать прорез глубиной в сантиметр,— ребята повеселели: топливо все-таки есть.

Прошло немало времени, прежде чем удалось откромсать кусок, достаточный, чтобы растопить печку. Резина горела хорошо, жарко.

— Вахтенному заняться приготовлением обеда! — приказал Зиганшин.

— Есть заняться приготовлением обеда! — весело отозвался Крючковский и начал скрупулезно отмеривать крупу для похлебки.

Одной покрышки хватило на восемь дней. Резать ее на куски и готовить обед — это было главным занятием, требовавшим усилий всего экипажа. Вахтенные круглые

сутки поддерживали огонь в печке: спичек осталось немного, их следовало экономить.

Снова немного штормило.

В часы затишья между приступами шторма друзья с трудом поднимались из машинного отделения на палубу, чтобы глотнуть холодного, горько-соленого свежего ветра, чтобы еще раз окинуть взглядом бескрайний и пустынный океан.

— Що Великий, то Великий. Це правда,— однажды сказал Анатолий Асхату.

Отдыхая после очередного шторма, они лежали на влажной палубе. Федотов и Поплавский были в кубрике.

— А до того, що вин Тихий, так то неправда. Хай бы його чорти забрали,— продолжал свою мысль Анатолий.

Друзья вспомнили огромную карту полушарий в красном уголке их части. Великий и Тихий! Как по-домашнему мирно и дружелюбно смотрел он тогда на них со стены. Но здесь океан был совсем не таким.

Со школьной скамьи Асхат помнил, что площадь его что-то около ста восьмидесяти миллионов квадратных километров, средняя глубина — четыре с половиной тысячи метров, а наибольшая — одиннадцать с половиной тысяч... Но только теперь, после многих дней дрейфа, Асхат понял значение этих цифр.

Он устало закрыл глаза, воспаленные ветром и солью брызг, суровой безбрежностью океана. Перед мысленным взором — все та же карта. Вон там, на северо-западе, длинной цепью, окрашенной в светло-коричневый цвет, протянулись Курильские острова. Вечно у них не стихает прибой. Над ними дымятся десятки вулканов. Как будто природа назло, нарочно создала дикий, суровый край, чтобы испытывать стойкость и мужество, волю и твердость, терпение и веру людей...

Асхат вдруг представил, что вместе с друзьями он

стоит на вершине вулкана — на пике Ивана Грозного. Раннее зимнее утро...

— Толя, смотри, вон сердитый Тихий,— Асхат взял Крючковского за руку.— Смотри, глубоко внизу, на снегу,— зубчатые тени гор. А теперь обернись. Ты видишь? Там синеет Охотское море. Вон из-за туч проглянуло солнце. Видишь, след от его лучей золотистой дорожкой пролег на запад...

— Вижу,— тихо отозвался Анатолий. Он понимал, что Асхат фантазирует. Но, поддавшись воображению, сам увлекся и не заметил, как из кубрика вышли Иван и Филипп.

— А ты знаешь, Асхат, кабы можно по ней идти, по этой солнечной тропке, она привела бы нас прямо домой, тебя — в Шенталу на Волгу, меня — в мой вишневый Турбов под Винницей, Филиппа — в Чемеровцы на Хмельниччину. А Ивана...

— Ну, а мне-то недалеко. Ближе всех,— вмешался в разговор Федотов.— До Амура рядом, рукой подать. Вот когда нас найдут и отслужим в армии, приезжайте ко мне в село Богородское. С Ириной вас познакомлю.

Иван широко улыбнулся.

Когда их найдут? Кто знает...

НА ФЛАГ — СМИРНО!

16 февраля потеплело: подул южный ветер. Но силы у людей таяли. Зато бодрость и надежда не оставляли солдат. В тот день Зиганшин сказал:

— Друзья, нужно перебраться из машинного отделения в кубрик. Там больше свежего воздуха. И вообще надо как можно чаще находиться на воздухе. Это лучшее средство от всех болезней.

Сказано — сделано. Разбившись на две смены, принялись за уборку кубрика. Чтобы привести его в порядок, снова потребовалось много усилий. Когда одна смена работала, другая — отдыхала. Вычистили матрацы и одеяла, напитавшиеся грязью,— морская волна похозяйничала и в кубрике. Во время уборки Федотов обнаружил обрывок газеты с картой части Тихого океана. Газета публиковала карту в связи с запуском Советским Союзом ракет в период с 15 января по 15 февраля.

Друзья обступили Ивана, рассматривали карту, которую так часто представляли себе и во сне и наяву. Они подсчитывали скорость ветра и продолжительность дрейфа, обменивались мнениями о том, где сейчас могла на-

ходиться баржа. Блеснула надежда, что советские корабли, которые вели наблюдения за ракетами, на обратном пути заметят баржу. Кроме того, не исключалось, что она может попасть в район, где проходят торные морские пути, и ее обнаружат пароходы других стран.

— А вдруг встретим корабль чанкайшистов? — высказал опасение Крючковский.

— От этих бандитов, кроме провокаций, ждать нечего,— заявил Поплавский.

— Живыми им в руки не дадимся,— заключил Зиганшин.

И друзья дали клятву:

— Помощь от чанкайшистских пиратов не принимать. Никакую!

...Вот уже месяц дрейфует баржа в открытом океане. Уже месяц длится борьба со стихией. Все четверо исхудали, обросли бородой, у всех ввалились глаза, истрепалась, порвалась одежда. Но по-прежнему на барже строго соблюдается воинская дисциплина. Ни нытья, ни тени отчаяния... Только порой кто-нибудь вздохнет и скажет задумчиво:

— Хорошо бы сейчас в баньку, потом побриться...

Его поддержат:

— А потом неплохо в столовую.

— Все, ребята, будет. Банька, и парикмахерская, и столовая,— резюмирует Зиганшин.

— Непременно! — уверенно подтверждают остальные.

17 февраля над баржей пролетели чайки и альбатросы. Кто-то крикнул:

— Земля близко!

Но более опытный в морских делах Федотов рассказал, что альбатросы залетают в просторы океана на две и более тысячи километров, так что обольщаться встречей с ними не следует.

Тем не менее сам он долго и внимательно следил за полетом птиц, всматриваясь в далекий горизонт.

После обеда заметили, что у борта появилась рыба.

— А ну, давайте рыбалить,—скомандовал Зиганшин.

На барже чудом уцелела маленькая сеть. Командир расправил ее, к сети привязали груз и опустили в воду. Но в то же мгновение крутая волна вырвала сеть из рук и унесла...

Смастерили «спиннинг»: к шпагату тщательно привязали кусочек жести от консервной банки с загнутым гвоздем вместо крючка. Рыба не клевала.

Неожиданно по левому борту появилась большая акула. Распугивая рыбу, акула показывалась то слева, то справа, то скрывалась под баржей.

Акула — страшный океанский гость, и появление ее вблизи терпящего бедствие судна не сулит ничего хорошего. Однако ребятам были чужды обычные суеверия моряков, и они даже обрадовались, увидев хищницу. Ведь акулы почти не заходят в северные широты. Значит, это еще одно подтверждение, что баржу несет на юг, где пролегают крупные мореходные пути.

— Попробуем загарпунить зверюгу,— предложил Зиганшин.

Он взял багор, приподнял его, нацелил и из последних сил метнул, едва акула вновь появилась близ борта баржи. Мимо...

Друзья не смогли сдержать возгласов досады. Однако надежда пополнить рыбой запасы продовольствия все еще оставалась. Из большого гвоздя сделали крючок, но акула не хотела глотать крючка без насадки. Она еще долго, точно дразнясь, крутилась и ныряла возле баржи.

В этот памятный день незадачливой рыбалки было решено вдвое урезать норму продуктов, опускаемых в котел. Итак, теперь в день на всех четверых полагалось

две картофелины и две ложки крупы. Жира больше не было.

Запасы пресной воды в бачке пополняли, собирая дождевые капли. Но и воды становилось все меньше. Порция составляла сначала пять, а потом три глотка в день.

Наступило 23 февраля.

Этот день они всегда отмечали, как большой радостный праздник. Когда учились в школе, на пионерских сборах участники войны рассказывали им о боевых походах, о славных победах, о мужестве и отваге советских солдат. Уже юношами Зиганшин, Федотов, Поплавский, Крючковский не раз слушали в этот день доклады об истоках непобедимости Советских Вооруженных Сил. В армии этот день начинался торжественным чтением приказа министра обороны. Затем объявлялся приказ, в котором отмечались наградами и благодарностями отличники боевой и политической подготовки. Потом был праздничный обед, встречи с шефами, концерты художественной самодеятельности. Словом, был праздник радостный, с музыкой, песнями, весельем.

Далека родная советская земля сегодня. Однако экипаж маленькой баржи, затерянной в океане, оставался пусть небольшим, но воинским подразделением Советской Армии.

Утром Зиганшин, любовно посмотрев на друзей, четко выговаривая каждое слово, произнес:

— Поздравляю вас, товарищи, с нашим воинским праздником, славной годовщиной Советских Вооруженных Сил.

— Служим Советскому Союзу!—по-уставному ответили сержанту солдаты и, словно равняясь на гордый флаг Родины, все разом взглянули на мачту. Но Федотов, не выдержав этой официальности, крепко обнял сержанта.

— И тебя, Асхат, с праздником!

— Никогда не думал, не гадал, что придется встречать его в открытом океане и при таких обстоятельствах,— сознался Крючковский.

— На боевой вахте встречаем наш праздник, друзья! А это и почетнее, и ответственнее,— пытался философствовать Поплавский.

— А ребята теперь в подразделении, наверно, пошли на обед,— сказал Федотов, и все засмеялись...

Обеда в этот день ни торжественного, ни обыкновенного на барже не предполагалось. Его решили перенести на другой день. А сейчас лишь позволили себе «роскошь»: заварили щепотку чая и с наслаждением, неторопливо потягивали светло-коричневый кипяток. Потом наскребли по карманам табачные крошки и свернули одну цигарку на четверых.

На палубе пролежали дотемна. Вспоминали о товарищах по службе, о родных. Филипп Поплавский играл на своей старенькой гармошке, остальные тихо подпевали.

24 февраля сварили последний обед: вода, картофелина, ложка пшена.

Занялось утро 25 февраля. Поплавский, орудуя ножом, склонился над своей гармонью, а потом выпрямился и протянул Зиганшину кусочки кожи, срезанные с клапанов и мехов.

— Вот. Если разварить... Бывает, люди ремни едят.

— Спасибо, Филипп,— растроганно произнес Зиганшин.— Конечно, гармошку жалко, но мы воспользуемся. У меня тоже одна мысль есть, испытаем.

Он снял с себя сапоги и начал на кусочки резать головки. Вслед за командиром начали было снимать сапоги и остальные, но тот приказал:

— Отставить. Повремените, надо испытать для начала...

Зиганшин долго варил кожу в морской воде, время от

времени пробовал ее на зубах. Другим пробовать не разрешил:

— Если я заболею и свалюсь, то по крайней мере один. Всем рисковать нельзя.

Шли часы, а кожу невозможно было ни кусать, ни жевать. Зиганшин задумался, а потом стал обжаривать ее без воды и попробовал еще раз. Оказалось, что теперь кожа поддавалась зубам, ее можно было жевать. Но что она напоминала своим вкусом, определить было невозможно.

Командир еще не закончил кулинарные операции над кожей. Он принес из машинного отделения банку с солидолом, обмакнул в нее несколько кусочков поджаренной кожи и, сохраняя на исхудавшем лице невозмутимое спокойствие, проглотил их.

Шесть глаз следили за командиром. В них были и тревога и немой вопрос.

— Конечно, не бифштекс, но есть можно,— сказал наконец Зиганшин.— Включим в паек.

И добавил:

— Если не свалюсь...

Минули сутки. Командир чувствовал себя хорошо. Обжаренная кожа от сапог и гармоники была включена в обеденное меню. Солдаты шутили, что у них теперь есть и баранина, и говядина.

Филипп, Анатолий и Иван тоже расстались со своими разбитыми сапогами. Ноги завернули в куски одеяла и обтянули портянками. Передвигаться стало труднее, но ногам было тепло, к тому же и ходить приходилось мало. Больше лежали. И кожу для еды обрабатывали тоже лежа, берегли силы.

Так выглядели герои после 49-дневного дрейфа.

(См. фото на стр. 40—41.)

КОРАБЛЬ НА ГОРИЗОНТЕ

Наступило первое марта. Крючковский, Поплавский и Федотов по очереди резали сапоги, поддерживали огонь в печке. Зиганшин обжаривал кожу. Никто лучше его не мог делать это: он, точно заправский повар, определял, когда она «доходила».

Утро выдалось хмурое. Низко нависли тяжелые, мрачные облака. Все яростнее становились порывы ветра. Было похоже, что океан готовит четырем друзьям новые испытания. Так и случилось. К середине дня ветер достиг ураганной силы, разыгрался шторм. Который по счету?!

Огромные водяные валы то вздымали баржу на многометровую высоту, то злобно швыряли ее в расступившуюся пучину и уносили все дальше в беснующийся океан.

В эти часы новой схватки со стихией Зиганшин предложил:

— Давайте еще раз попытаемся наладить рацию.

Он был неутомим в находчивости и изобретательности, умел занять своих товарищей делом.

О, если бы баржа снова обрела голос! Не обращая внимания на штормовую качку, дружно взялись за работу. Терпеливо разобрали и тщательно собрали станцию. Проверили. Не работает. Снова разобрали все до винтика и с утроенным вниманием собрали вновь. Попробовали наладить прием.

— Слышу!— воскликнул Федотов.

— Да, слышно,— радостно подтвердил Крючковский.

Затаив дыхание, напрягали слух. Сквозь гул и треск из неведомой дали слабо доносились голоса.

— Говорят по-японски,— сказал Федотов.

— Похоже,— согласился Зиганшин.

Потом все смолкло, точно потонуло в ревущем океане. Передатчик, как ни бились, отказывался работать. Баржа оставалась безмолвной. Аккумуляторы окончательно сели.

Второго марта сила шторма упала примерно вдвое. Хорошо просматривался горизонт. Решили весь день лежать на палубе. Слабость одолевала. Сказывалось многодневное недоедание.

Зиганшин, которому помогал Федотов, приготовил обед: восемь поджаренных кусочков кожи от сапог. В полдень пообедали. Мучила жажда. Выпили по глотку. В запасном бачке вода едва закрывала дно.

По гармонике скучали все и особенно Поплавский. Вот он тихо запел «Амурские волны». Сначала Федотов, а за ним Зиганшин и Крючковский стали подпевать. Потом спели «Подмосковные вечера». Закончили «Варягом». Пели дружно и громко, точно вызов бросая океану, слова песни, славящие мужество и твердость духа.

Потом размечтались, заговорили о родных.

— Ребята, а ведь у меня, наверное, сын родился,— сказал Иван Федотов.— Наказывал Ирине, чтобы обязательно был сын и чтобы назвали его Александром. В честь Суворова.

— Конечно, сын у тебя, Ваня, родился. Раз наказывал, иначе быть не может. И назвали его Александром. Надо торопиться, а то вернешься, смотришь, сын уже жениться собрался,— шутили друзья.

— Да что мы всю жизнь будем по океану носиться? Так и сапог не хватит.

Мысли летели к Родине, к семьям, к товарищам на Курильской гряде.

— Вот все мы родились почти в одно время,— сказал Крючковский.— Жили в разных краях родной земли, но судьбы наши так схожи. Учились. Каждый рано начал работать. Вот взять меня. После семилетки ушел на завод, хотелось поскорее помогать семье, приносить в дом заработок. Ваня занимался в ремесленном училище. Филипп, еще учась в школе, приобрел специальность строителя. Асхат в 17 лет стал отличным трактористом.

Мы работали от души. Опытные пожилые рабочие, колхозники пожимали нам руку, как равным. Потом армия. Священные слова воинской присяги: «Клянусь до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей советской Родине и Советскому правительству».

Мы были не последними в комсомольской организации части. Командование ставило в пример другим экипаж баржи «Т-36»...

Разговор прервался возгласом Федотова:

— Братцы, что это там?

Было около двух часов, когда Федотов увидел на горизонте темное пятно. Все поспешили к борту, и вот отчетливо обрисовался силуэт корабля.

— Надо сигналить!— воскликнул Зиганшин.

— Чем?

— А вот чем,— ответил Асхат, разматывая портянки. Он быстро скрепил их и провел суриком три яркие полосы, получился флаг бедствия.

Превозмогая свинцовую тяжесть в ногах, Зиганшин безостановочно передвигался по палубе и долго размахивал флагом.

Но иностранный военный корабль прошел мимо в нескольких милях, и силуэт его растаял в сероватой морской дали.

На барже эта несостоявшаяся встреча не вызвала разочарования. Наоборот, уверенность в спасении еще больше окрепла.

— Помощь придет. Обязательно придет,— уверял товарищей Асхат.

Теперь, заступая поочередно на вахту, солдаты не спускали глаз с горизонта. Он оставался утомительно пустым. Радовал южный ветер, погода значительно улучшилась.

В ночь на шестое марта вахту нес Поплавский. Во мгле возникли огни.

«Не померещилось ли?» — подумал Филипп. Прошла минута, другая, огни по-прежнему светились в темноте.

— Корабль! — закричал Филипп.

На крик из кубрика выбежала вся команда. Зиганшин стал подавать сигналы бедствия: «SOS!» Мелькали далекие огни неизвестного корабля. Показалось, что он заметил баржу. Нет... Уходит...

Теперь стало очевидно, что дрейф вынес «Тридцать шестую» в район, где пролегают оживленные морские пути.

— Не сдаваться! Беречь силы! — подбадривали друг друга солдаты.

На рассвете седьмого марта все вышли на палубу. Пересчитали запасы кожи и солидола. Кожи должно хватить еще дней на десять. А вот воды пресной уже не было.

— Ничего, потерпим, дожди обязательно будут,— уверенно сказал Федотов.

В обед съели дневную порцию: по два кусочка кожи каждому. Крючковский остался на вахте, остальные ушли отдыхать в кубрик.

В два часа дня Крючковский заметил на горизонте корабль. Решил не тревожить команду, пока не удостоверится. Нет, ошибки не было, и Анатолий закричал:

— Корабль на горизонте!

Встали на палубе по всей длине баржи, размахивали руками. Зиганшин, стоя у штурвала, сигналил флагом бедствия. Но и на этот раз сигналов, видимо, не заметили. Корабль скрылся за горизонтом.

Ждали на палубе еще два часа: может быть, покажется это или другое судно. Океан оставался пустынным. Собрались было вернуться в кубрик, и вдруг в небе раздался шум мотора. Появился самолет. Он начал кружиться над баржей.

— Заметил! Заметил!

Вскоре на горизонте снова показался большой корабль. И через некоторое время к «Тридцать шестой» приблизился геликоптер.

— Снизился!

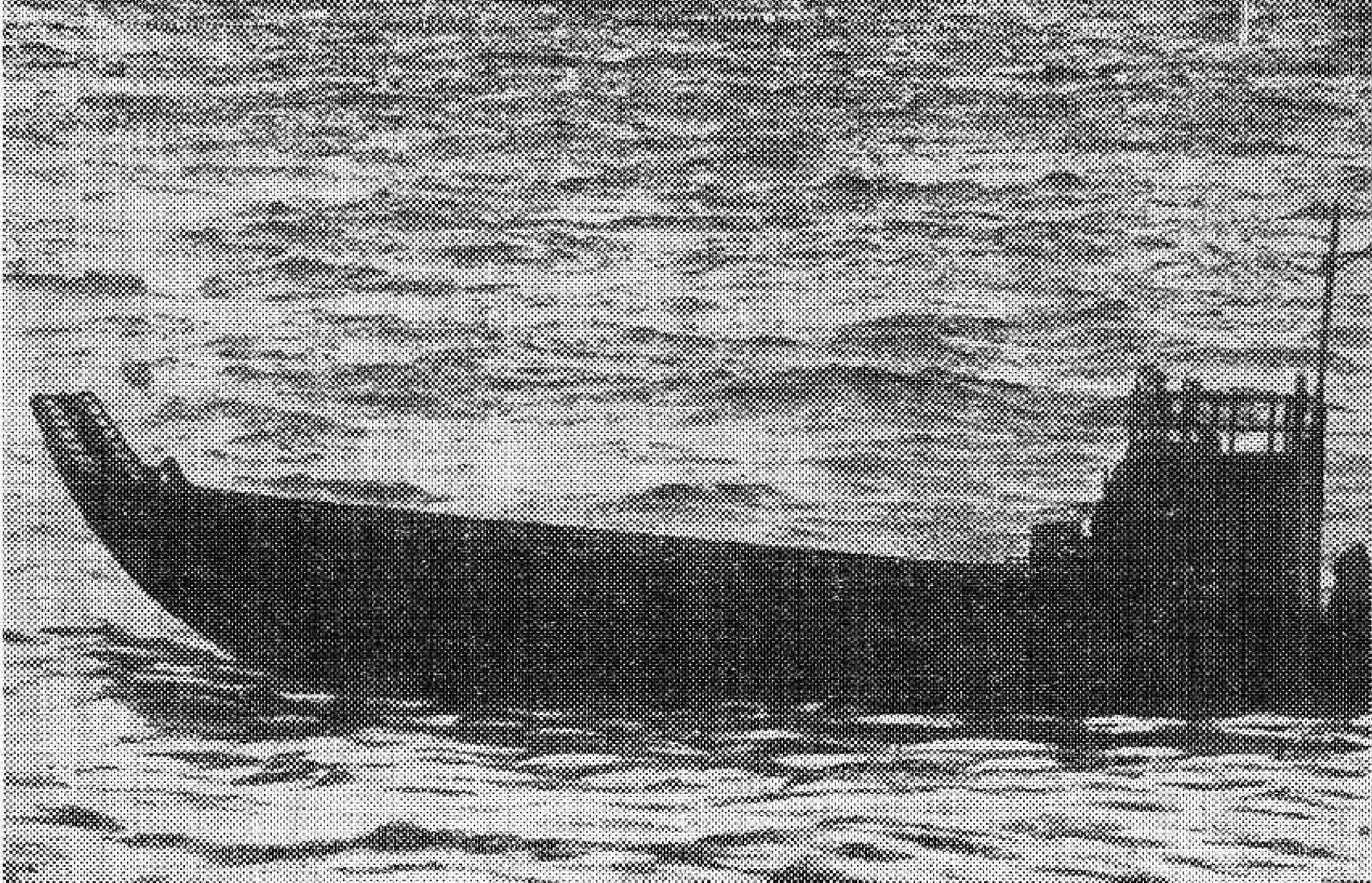
Над баржей повис стальной трос с подъемной петлей. Зиганшин приказал, чтобы под рукой были комсомольские билеты и воинские удостоверения. По очереди обнимая товарищей, он говорил:

— Держаться вместе и действовать как один. Мы остаемся экипажем самоходной баржи. Высоко держать честь советского воина!

Все подтянулись, пригладили волосы, отросшие до плеч, длинные бороды, так изменившие их лица. Старательно расправили гимнастерки, превратившиеся в лохмотья. Они стояли, прислонившись к стенке надпалубной надстройки, изредка перебрасываясь словами:

— Ну вот...

— Как мы и говорили.

Баржа опустела...

— Так и должно быть, здесь дороги торные...

Асхат бережным движением исхудавшей руки, точно касаясь живого существа, погладил стенку и сказал:

— Прощай, тридцать шестая!

А Федотов выразительно добавил:

— Ты была пятой!

Да, она была пятой, эта скорлупка, с которой четверо поделились своим железным упорством, своим несгибаемым мужеством.

Потом все замолчали, словно каждый прислушался к своим думам, к биению собственного сердца.

Американский авианосец «Кирсардж» следовал из Гонолулу в Сан-Франциско. Это большое океанское военное судно, входящее в состав тихоокеанского флота

США. Крейсер «Кирсарадж» имеет 33.690 тонн водоизмещения и развивает скорость до 33 узлов. Авианосец оборудован угловой полетной палубой длиною в 266,9 метра. Его вооружение состоит из восьми 127-мм универсальных орудий и 28 зенитных автоматов калибра 75 мм. «Кирсардж» может взять на борт до 100 самолетов. Его команда состоит из 2.970 человек.

Как только советские солдаты вступили на палубу авианосца, их обступили американские матросы. Спасенные настолько утомились и ослабели, что были не в состоянии отвечать на вопросы, состоявшие из английских и исковерканных русских слов. Их взял под свое покровительство главный врач авианосца Фридерик Беквик. Друзей поместили в корабельный госпиталь.

...Водяной вал подкатывался все ближе, вздымаясь по пути все выше, выше. Вот он, оказавшийся рядом, поднялся к самым облакам, а оттуда злобно ринулся вниз.

Сердце замерло, пронизанное острой тревогой за товарищей. Человек хотел крикнуть, вздрогнул и открыл глаза. Он облегченно вздохнул. Друзья рядом. Вот они.

— Ты что, Ваня? — участливо спросил его сосед, лежавший на койке справа.

— Да чепуха какая-то приснилась. А что, уже все проснулись?

— Все на посту,— отозвался Асхат.— И я, и Филипп, и Толя. Смотрим, ты что-то метаться начал, хотели тебя разбудить.

Они переговаривались вполголоса, и казалось, слова тают в окружавшей их светлой тишине.

Первая папироса после окончания дрейфа.

Открылась дверь, вошел человек в белоснежном халате. Он приветливо взмахнул рукой и что-то произнес по-английски. Следовавший за ним моряк, тоже в халате, натянутом поверх формы, медленно подбирая слова, перевел по-украински:

— Доктор спрашивает, как себя чувствуют его мальчики.

— Хорошо! — ответил за всех Асхат.

Доктор Беквик по очереди склонился над каждой из четырех коек.

Этот спокойный человек, которого, казалось, ничто не способно вывести из равновесия, признавался себе, что волнение не покидало его с первых же минут встречи с этими юношами.

После того как они побывали в искусных руках корабельного парикмахера, лица их казались совсем мальчишескими. Четыре пары сияющих глаз смотрели на доктора Беквика, и он видел, что в них еще больше разгорелся огонек воли и решимости, замеченный еще в памятный день 7 марта.

— Вот это-то их и спасло,— с уважением сказал он.

Отдав какие-то приказания сопровождавшему его моряку, доктор улыбнулся пациентам и вышел.

Фридерик Беквик и его ассистенты делали все, чтобы быстрее восстановить здоровье героев беспримерного дрейфа.

Врачи искали признаков заболевания цынгой. Нет, десны не сочатся кровью, зубы держатся крепко. Зрение и слух у всех в абсолютном порядке. Сами, без посторонней помощи, поворачиваются на койке?! Хотят выходить на палубу?! А ведь каждый потерял в весе 30—35 фунтов... Беквик говорил своим коллегам:

— Необыкновенные люди. Таких ребят за свою долголетнюю практику еще не встречал. Ни один наш матрос не выдержал бы такого испытания.

Ф. Поплавский в первые минуты пребывания на американском авианосце «Кирсардж».

В госпитале друзей посетил командир авианосца командор Роберт Тоунсенд. Он спрашивал, как чувствуют себя советские солдаты, интересовался, каковы их желания. Зиганшин ответил:

— Мы благодарим вас, весь экипаж за оказанную нам помощь. Мы очень довольны тем, как к нам здесь от-

носятся. Но мы хотели бы как можно скорее возвратиться на Родину.

— Сделаю все от меня зависящее,— сказал капитан.

Роль переводчика не без успеха выполнял старшина первой статьи Василий Гетман. Родители его эмигрировали в Америку из Западной Украины задолго до Октябрьской революции. Гетман плохо говорил по-украински, и все же Поплавский и Крючковский понимали его и в свою очередь переводили беседы Зиганшину и Федотову.

Гетман часто ссорился с поваром-малайцем Лозией Райфордом, который изо всех сил старался угодить «этим замечательным русским парням». Дело в том, что старшина хотел обязательно сам сварить борщ для гостей. Но малаец ревниво отстаивал свои права. Так до самого Сан-Франциско Гетман и Райфорд не могли поладить между собой.

Друзей скоро из госпиталя перевели в каюту. Они отдыхали после перенесенного, играли в шахматы, смотрели кинофильмы, но все время говорили друг другу:

— Домой, скорее домой!

«Кирсардж» находился еще в трехстах милях от Сан-Франциско, когда на него высадился «десант» американских корреспондентов газет, радио, телевидения. Для Зиганшина, Поплавского, Крючковского и Федотова кончилась спокойная жизнь.

Журналисты допытывались, что помогало героям так стойко бороться с океаном. Те коротко отвечали:

— Наша дружба. Так мы воспитаны Советской Армией, нашим народом.

Советские солдаты старались втолковать репортерам:

— Ничего особенного мы не сделали. Каждый наш солдат поступил бы так же.

По радио, по телеграфу, в редакции летели сообщения об «удивительном советском характере».

Весть о спасении участников беспримерного семинедельного дрейфа в радиосообщениях и на страницах газет всего мира стала «новостью № 1». Сколько радости принесла она в скромный домик на Канашской улице поселка Шенталы. Здесь живет семья Асхата Зиганшина. Уже много дней родные тревожились за судьбу Асхата. Всегда писал домой аккуратно. С каким интересом старый Рахимзян читал письма сына, рассказывавшего о том, как хорошо складывается у него военная служба, о командирах и товарищах, о природе далеких Курил, об океане. И вот пришло последнее письмо, написанное девятого января, а после — ни строчки. Хмурились отец и брат Асхата, стряхивала незаметно слезу его мать Хачатына. Что с ним? Почему замолчал?

И вот он, счастливый день: пришли газеты с рассказом о том, как четыре молодых советских солдата оказались сильнее разыгравшегося океана. А тут подоспела телеграмма с Курил:

«С радостью сообщаю, что ваш сын спасен».

Читали и перечитывали сообщения об юношах-героях в Чемеровцах, и с утра по поздней ночи шли и шли люди в хату колхозницы Александры Юлиановны Поплавской, чтобы поздравить ее, поговорить о Филиппе, об его друзьях, победивших океан.

Так же многолюдно в эти дни было и в домике Федотовых, что высится на берегу Амура. Односельчане ласково поздравляли Иру и с первенцем, и с тем, что Иван скоро приедет на побывку:

— Обязательно ему отпуск дадут!

Не скрывая счастливых слез, Анна Федотовна Крючковская говорила корреспонденту газеты, приехавшему в поселок Турбов:

— Напишите в газете такие мои слова: «Любий Толік! Бажаємо всі тобі здоров'я і швидкого повернення на Батьківщину». Может, он прочтет их еще в Америке.

Но не только в семьях отважных юношей было так радостно встречено известие об этом дрейфе, закончившемся победой человека над могучими силами стихии. В редакции газет поступали радиограммы с кораблей, плывущих по разным морям планеты. На имя участников дрейфа шли телеграммы шахтеров и школьников, металлургов и полярников. Всюду этот необыкновенный дрейф был воспринят как гордое свидетельство торжества человеческого духа, стойкости, мужества и дружбы.

История мореплавания знает много катастроф и бедствий, когда люди, оказываясь и не в столь трудных условиях, поддавались растерянности, панике и гибли.

Известный французский врач Ален Бомбар, посвятивший себя борьбе за спасение жертв океана и сам совершивший плавание на резиновой лодке через Атлантику, писал:

«Жертвы кораблекрушений, погибшие преждевременно! Вас убили не океан, не голод, и даже не жажда. Раскачиваясь на волнах под жалобные крики чаек, вы умерли от страха».

Когда первые сообщения о 49-дневном дрейфе четверки смельчаков достигли Франции, Ален Бомбар заявил:

— Это совершенно изумительная эпопея. Она меня очень интересует. К сожалению, еще неизвестны подробности этой истории, позволяющие сделать определенные выводы. Однако уже сейчас очевидно ее поучительное значение. Четверо советских людей, сумевших столь длительное время и в таких трудных условиях бороться против сил природы, явили своим мужеством вдохновляющий пример всем морякам, всем, кому приходится вступать в единоборство с океанской стихией.

15 марта авианосец «Кирсардж» бросил якорь в бухте Сан-Франциско.

Командор Таунсенд и офицеры авианосца дружески прощались с советскими солдатами.

— Никогда в своей жизни я не видел такого мужества и такой скромности,— сказал Тоунсенд — 57-летний офицер, грудь которого украшают семь орденов за боевые заслуги.

Асхат Зиганшин поблагодарил капитана за теплые слова, сказанные в адрес советских воинов, и от имени всего экипажа десантно-самоходной баржи «Т-36» вручил письмо. Оно гласило:

«Мы, советские солдаты, терпевшие бедствие в открытом море, от всего сердца благодарим офицеров и весь экипаж, который спас нас и создал такие хорошие условия на борту американского корабля».

Четверка отважных пошла по палубе к площадке, где стояли геликоптеры. Советские солдаты шли вдоль выстроившейся шеренги моряков. Американские матросы приветливо улыбались. Офицеры отдавали честь победителям океана. У геликоптеров к советским солдатам подошел командующий Тихоокеанским флотом адмирал Френк Бренди, находившийся на авианосце. Он по очереди жал руку каждому:

— Желаю вам счастья и успехов.

Геликоптеры — это были те же геликоптеры и те же летчики, которые сняли советский экипаж с баржи девять дней назад,— поднялись с палубы авианосца «Кирсардж». Они делают круг над Сан-Францисской бухтой и через 15 минут приземляются на берегу залива. Солдаты ступили ногой на твердую землю впервые за два последних месяца.

АМЕРИКА ВОСХИЩЕНА

Весть о беспримерном подвиге советских солдат пронеслась по Америке подобно двенадцатибалльному шторму. Она захватила всю страну. Газеты и журналы, радио и телевизионные станции, большие и малые. В Сан-Франциско спешно вылетели представители Голливуда с предложением нашим солдатам «сделать фильм». Еще бы! На таком фильме можно заработать не один десяток миллионов долларов.

Америка восторженно приняла отважную четверку, в единоборстве победившую разбушевавшуюся океанскую стихию. Перед мужеством и стойкостью советских солдат склоняли голову видавшие виды матросы и сталеплавильщики, служащие и маститые ученые. Героизмом и бесстрашием советских воинов восхищался известный океанограф Стефенсон и президент Геофизического года Крисси.

За честь предоставить место нашим морякам соперничали между собой авиационные компании. Последних старались перебить железнодорожные линии. Пассажиры соперничали между собой, стремясь занять место ря-

Бороды долой.

дом с нашими солдатами. Они боролись за право хотя бы взглянуть на настоящих парней, а в случае удачи пожать им руку.

Восторженный прием начался на площадке «Марина Грин», на которую опустились вертолеты. Эта площадка — своего рода порог Сан-Франциско. С нее обозревается весь город, раскинувшийся на холмах и в предгорьях.

Сан-Франциско — один из самых молодых американ-

ских крупных портовых городов. Его причалы растянулись почти на тридцать километров. Сюда ежегодно заходят четыре тысячи судов. Здесь матросы говорят почти на всех языках мира. Жители Сан-Франциско хорошо знают, что такое Тихий океан, знают его буйный характер, его опасные капризы. Здесь знают почем фунт лиха и умеют по достоинству оценить морскую отвагу и мужество.

Сан-Франциско встретил советских моряков мягким теплым утром. Как на Курильской гряде в погожий летний день! Сюда, на площадку, пришли встречать отважную четверку матросы и высшие офицерские чины, докеры и грузчики, профессора и домашние хозяйки, целые семьи. И корпус, не преувеличиваем, корпус корреспондентов и представителей радио и телевидения. За несколько минут до встречи к ним прилетел десант корреспондентов, атаковавших наших героев на протяжении нескольких часов еще на борту авианосца «Кирсардж».

В дверцах вертолета появляется слегка растерявшийся сержант Зиганшин, согнувшись, он выбирается из тесной кабины вертолета. Над толпой взметнулись руки. Люди махали шляпами, кепи, букетами цветов и просто газетами. За Зиганшиным выходит Поплавский. Из другого вертолета появляются Федотов и Крючковский. Новая волна рукоплесканий и приветственных криков.

Солдаты обнимают представителя посольства Советского Союза в Вашингтоне Анатолия Кардашова и корреспондентов центральных советских газет, но американские репортеры уже трогают за плечи, тащат солдат за рукава рубашек, представители радио и телевизионных станций суют микрофоны. Перебивая друг друга, американские корреспонденты забрасывают героев вопросами:

— Мистер Зиганшин, думали ли вы, что будете спасены?

— Были ссоры или драки?

— Как делили воду?

Зиганшин тихо, но внятно отвечает, что драк не было, что, наоборот, жили дружно и все делили поровну.

— Были ли разговоры о смерти? — добивается американский корреспондент.

— Нет. Мы о ней и не думали,— отвечает сержант.

Один из репортеров газеты «Сан-Франциско кроникл», видимо, не хочет верить и вновь досаждает теми же вопросами о драках, ссорах.

Зиганшин с явным недоумением терпеливо разъясняет репортеру, что вещи, о которых он спрашивает, немыслимы на советском судне, немыслимы в коллективе советских людей.

— Что вы за люди?! — полувопрошает, полувосклицает репортер.

— Обыкновенные советские!

Эти слова Зиганшина приводят в изумление даже самых прожженных американских газетчиков. Вечером они вместе с фото отважной четверки появились на первых страницах всех сан-францисских газет. Газеты как сенсацию подавали сообщение о том, что в течение 49 тяжелых, мучительных дней русские моряки ни разу не поссорились, не сказали друг другу худого слова, что ни один не выпил капли воды больше, чем его товарищи. «Русские вписали новую главу в историю борьбы с морской стихией»,— писала в этой связи «Сан-Франциско кроникл».

В тот же день героев принял мэр города Джордж Кристофер. Встреча проходила в присутствии представителей городских властей. Обращаясь к советским солдатам, Кристофер сказал:

— Я только что вернулся из вашей страны. Я тронут

Поплавский в судовом лазарете.

гостеприимством москвичей, ленинградцев, всего советского народа. Я был тепло принят господином Хрущевым. Я хотел бы отплатить за то гостеприимство, которое было оказано мне в Советском Союзе. И я очень счастлив, что встретился с вами.

Мэр подарил советским героям ключ от города. Он крепко пожал им руки и сказал:

— Вся Америка восхищается вашим замечательным подвигом, подвигом победителей океана. Граждане Сан-Франциско гордятся тем, что им первым выпала честь приветствовать вас.

Герои на борту парохода «Куин Мэри» перед отплытием на Родину.

Отважная четверка остановилась на отдых в отеле «Караван Лодж». Этому маленькому семейному отелю суждено было стать историческим местом. День и ночь у отеля толпились жители Сан-Франциско. Вели они

себя, включая детей, очень тихо, боясь потревожить покой советских солдат. Совсем иначе вел себя телефон. Он не умолкал в течение всех 24 часов в сутки.

А звонили со всей Америки. То и дело раздавались продолжительные звонки — позывные с Большой Земли, с Родины. Пробиться в Москву в это время было невозможно. Позывные из Советского Союза поглощали все время радиотелефона.

С телефонными звонками из Советского Союза было немало казусов. Звонили не только из Москвы. Звонили из Ташкента, Баку, Хабаровска и многих отдаленных городов. Начинали звонить оттуда утром, а в это время в Сан-Франциско, в силу разницы во времени, была глубокая ночь. Но все обязательно хотели услышать голос солдат. Если бы нашим солдатам пришлось отвечать на все звонки, то читатель может легко представить, что бы с ними произошло. Поэтому было принято решение: после полуночи солдат не будить. Зато Кардашову и советским корреспондентам доставалось!

Вторую половину 16 марта солдаты знакомились с достопримечательностями гостеприимного города. В отель возвратились вечером. Здесь их ждало такое, что взволновало их юношеские сердца, потрясло солдат до слез.

Им вручили телеграмму, поступившую с родной земли от Никиты Сергеевича Хрущева.

Зиганшин читал товарищам телеграмму негромко, не скрывая своего волнения.

«Дорогие товарищи!

Мы гордимся и восхищаемся вашим славным подвигом, который представляет собой яркое проявление мужества и силы духа советских людей в борьбе с силами стихии. Ваш героизм, стойкость и выносливость служат примером безупречного выполнения воинского долга.

Своим подвигом, беспримерной отвагой вы приумно-

жили славу нашей Родины, воспитавшей таких мужественных людей, и советский народ по праву гордится своими отважными и верными сынами.

Желаю вам, дорогие соотечественники, доброго здоровья и скорейшего возвращения на Родину».

Командир кончил читать и поднял глаза на своих товарищей. Возникла строгая, торжественная тишина, будто прозвучала команда «смирно». Все четверо вытянулись и отчеканили:

— Служим Советскому Союзу!

Ответную телеграмму Н. С. Хрущеву писали долго, взвешивая каждое слово. Солдатам было трудно писать о себе. Верно, им было трудно, невыносимо трудно там, в океане, среди бушующих волн, но солдаты не думали, что совершают подвиг. Они выполняли воинский долг.

Обсуждая каждое слово, составили фразу: «В дни тяжелых испытаний мы ни на минуту не забывали о матери-Родине, любовь к которой придавала нам силу в борьбе со стихией». По предложению командира к ней добавили: «Верные воинскому долгу, мы старались вести себя так, как подобает советским солдатам».

А дальше пошло легче. «Мы желаем как можно скорее вернуться на родную землю! Снова занять свое место в боевом строю».

На следующий день утром 17 марта реактивный самолет «Боинг-707» уже уносил отважную четверку на восток, в Нью-Йорк.

Как быстро ни летел самолет, слава о советских героях распространилась по Америке еще быстрее. На международном аэропорте Айдл-уайлд в Нью-Йорке им устроили бурную, восторженную встречу. Добрую память оставили о себе наши воины в Сан-Франциско, а ньюйоркцы их чествовали, как достойных представителей великого советского народа, народа, который спас мир от фашистской чумы, а сейчас творит чудеса на

фронте мирного строительства, народа, который уважает американский народ и хочет жить с ним в мире и добром согласии.

Жители этого крупнейшего в Америке города бурно выражали свои чувства и при встречах с советскими героями, когда они знакомились с достопримечательностями Нью-Йорка, и в фойе оперного театра «Метрополитен», где они смотрели выступление Государственного заслуженного ансамбля народного танца Грузинской ССР, и в своих телеграммах, поступавших в адрес победителей Тихого океана.

Отдыхали в предместье Нью-Йорка Гленкове на даче представительства Советского Союза при ООН. К их услугам здесь было предоставлено все, чем богата советская колония в Нью-Йорке: наши повара, умеющие приготовить щи и селедку по-русски, уютные комнаты, большой кинозал, где они по вечерам смотрели кинофильмы.

Утром 23 марта заботу о советских солдатах приняли английские моряки огромного пассажирского парохода «Куин Мэри». Это была сердечная забота. Моряки предупреждали каждое движение советских друзей. Первое распоряжение капитана было устроить обед в честь героев. Отважная четверка отправилась в плавание на Большую Землю, на Советскую Родину!

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ПОБЕДИТЕЛИ!

В те несколько суток, пока на плавучем городе «Куин Мэри» четверка пересекала Атлантику, в редакцию «Известий», как и в другие газеты, почта, радио, телеграф несли взволнованные строки от прежде не знавших их тысяч людей.

«С гордостью считаем вас, дорогие друзья, бывалыми моряками и навсегда зачисляем в экипаж нашего судна.

МОРЯКИ ТЕПЛОХОДА «УСОЛЬЕ»

Тихий океан»

«Дорогие товарищи! Поздравляем с победой над океаном. Гордимся, что один из вашей славной четверки — Анатолий Крючковский — был воспитанником нашей школы.

УЧИТЕЛЯ, УЧЕНИКИ ТУРБОВСКОЙ ВОСЬМИЛЕТНЕЙ ШКОЛЫ

Винницкая область»

«Ваша стойкость и воля к жизни — пример для всех нас. Речники великой сибирской реки — своенравной Лены — горячо поздравляют вас с возвращением на Родину. Мысленно крепко вас обнимаем, жмем ваши сильные руки.

Е. ВИЛЛАХОВ

Якутск»

«Обсуждая сегодня на открытом комсомольском собрании, что значит жить, работать и учиться по-ленински, с гордостью произносим ваши имена, дорогие товарищи, славные воспитанники Ленинского комсомола.

КОМСОМОЛЬСКОЕ СОБРАНИЕ 49-й СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Ростов-на-Дону»

...Это только отрывки из телеграмм и писем. А их были сотни, и с каждым днем их все больше приходило в редакцию «Известий». Всем хотелось узнать об этих парнях поподробнее, хотелось узнать об их командире Асхате Зиганшине, который с необычайной для юноши твердостью и волей руководил маленьким боевым подразделением Советской Армии, не покорившимся океану, победившим стихию.

И вот в который уже раз редакция связывается по телефону с селом Шенталы, что в Куйбышевской области, где живет семья Асхата. Там, далеко, на том конце провода к аппарату вызывают отца героя — старого конюха Рахимзяна Зиганшина.

— Расскажите, пожалуйста, подробнее о вашем сыне Асхате.

— Что рассказать? Учился, работал как следует. Что вам еще сказать? Добрый сын и верный товарищ. Недаром у него полно друзей в Шенталах, Денискине и других окружных селах. Был смел и выдержан, уважал людей, и его все уважали. Мне думается, что в той беде, в которой он оказался, Асхат просто не мог вести себя иначе. Ведь он комсомолец. Бывало, в работе никого не подведет, в беде не выдаст товарищей.

— Читателей «Известий» очень интересует все-все о вашем сыне.

— Биография Асхата проста. Ему нет еще и двадцати двух лет. Родился и рос здесь, в селе. Любил масте-

рить, бегал на рыбалку, катался на велосипеде. В 1955—1956 годах занимался в Шенталском училище механизации сельского хозяйства. Окончил его успешно, стал трактористом. Работал на полях колхозов имени XX партсъезда, имени Чапаева, а в последнее время перед призывом в армию — в колхозе «Марс» в селе Денискине, что в двенадцати километрах от нашего села. Ездил на работу и с работы домой на велосипеде.

— А как трудился Асхат?

— Об этом вам лучше бы рассказали сами колхозники. Помню, впервые повел он трактор на поля артели имени XX партсъезда весной 1956 года. Радостный, довольный, Асхат рассказывал тогда, что отсеялся рано, за четыре или пять дней. Нормы перевыполнял в полтора-два раза. Бывало, придет домой поздно, усталый, грязный. Немножко отдохнет и опять торопится в поле, к своему трактору. Мать останавливает его, просит, чтобы еще отдохнул, покушал как следует. А он только засмеется. «Ничего,— скажет,— потом отдохну, как с делами управимся...»

Помнится, в 1957 году он заработал зерна девять центнеров, а в год призыва на военную службу за шесть месяцев получил пять центнеров пшеницы.

— Не могли бы вы сказать, как проходила его служба в армии?

— Служил, как и подобает советскому солдату, верному присяге. Когда был в учебном подразделении, получил похвальную грамоту от командования за успехи в боевой и политической подготовке, а позже — награду.

— Часто ли писал Асхат письма из армии?

— Асхат добрый сын. Он никогда не забывал нас. Писал подробно о себе и своих товарищах.

— А когда вы получили от него последнее письмо?

— Последнее было датировано 9 января этого года.

Получили мы его числа 16 или 17 января. Точно не помню, однако в то время, когда уже начались его беды в океане. Асхат сообщал, что он здоров, служба идет хорошо, что у него много друзей и товарищей. Очень беспокоился о матери, которая все время прихварывает. Потом он надолго замолчал. Это было необычно для него. Сердце наполнилось тревогой. Что с ним? Уж не приключилось ли беды какой? И вот сообщение в «Известиях» о спасении четырех советских юношей, которые терпели бедствие в океане. Сообщалась фамилия: «Зиганьш».

«Отец,— говорила мне тогда Хатына,— это ведь наш Асхат!» Не обмануло ее материнское сердце: в числе четверки был и наш сын. Что пережили мы в те минуты? Радость была велика! А тут столько отзывчивых людей. Земляки нас поздравляют... Из уст в уста передают слова привета Никиты Сергеевича Хрущева нашим сыновьям. И, конечно, нетерпеливо ждут приезда Асхата в родное Заволжье. Ждем мы сына и его товарищей, чтобы крепко-крепко прижать их к своей груди.

Утром 28 марта — светлым, радостным утром, хотя оно было в тот день ненастным,— в Шербур на борту «Куин Мэри» прибыла четверка отважных.

Несмотря на ненастье, в порту задолго до прибытия корабля царило большое оживление. Сюда собрались представители общественности, множество французских и иностранных журналистов, репортеров телевидения и кинохроники, специально приехавших в Шербур для встречи отважных.

Еще накануне на улицах, в гостинице, в кафе, в порту — всюду можно было слышать разговоры между людьми, которые восхищались беспримерным подвигом четырех советских юношей. Газета «Пресс де Ла Манш», приветствуя героев, писала, что они продемонстрировали «самый замечательный пример выносливости, который

когда-либо был отмечен среди людей, потерпевших бедствие на море».

Из-за на редкость плохой погоды — пронизывающего ветра и проливного дождя — «Куин Мэри» не смогла пришвартоваться у морского вокзала и вынуждена была остановиться на рейде. Однако журналисты добрались до корабля на специальном катере и устремились в салон, где находились А. Зиганшин, А. Крючковский, И. Федотов и Ф. Поплавский.

Здесь же, на борту, состоялась импровизированная пресс-конференция.

— Какое ваше самое большое желание? — спросил у советских парней репортер крупнейшей французской буржуазной газеты «Франс-Суар».

— Поскорее вернуться на родину.

И вот герои уже в вагоне экспресса, мчащегося в Париж, где им предстоит провести только одну ночь, несколько часов до рассвета следующего дня — часов, бессонных от радости скорой встречи с Отчизной...

«Находясь над просторами нашей родины, от большого солдатского сердца мы говорим: здравствуй, Родина-мать!»

Этой радиограммой, переданной в Москву днем 29 марта 1960 года с борта самолета «ТУ-104» СССР-42460, как только он пересек границу Советского Союза, четверка отважных — Асхат Зиганшин, Иван Федотов, Филипп Поплавский и Анатолий Крючковский — сердечно поздоровалась с родной землей.

До столицы еще час с лишним полета, но тысячи москвичей, собравшихся во Внуковском аэропорту, уже взволнованно передавали из уст в уста текст этой радиограммы.

«Здравствуй, Родина-мать!» Как они по тебе стосковались. Все 49 дней и ночей беспримерного, трудного дрейфа в штормовом океане они сердцем и мыслями

были с тобой. И все 70 с лишним суток своего небывалого «кругосветного» путешествия они стремились к тебе. И ты их встречаешь как горячо любимых сынов...

Никогда еще диспетчерская служба Внуковского аэродрома не работала с такой нагрузкой, как в тот день. С самого утра туда звонили из редакций газет и журналов, звонили москвичи, военнослужащие, студенты. Всех интересовал вопрос: не задержится ли ввиду тумана вылет из Парижа четверки отважных? Неужели и здесь подведет погода? Довольно штормы и ураганы трепали баржу четверки, довольно туман заволакивал весь горизонт, скрывая берег Отчизны, мешая им разглядеть корабли и самолеты, искавшие их в океане! Но теперь невозможно, просто нельзя, чтобы погода хотя бы на день, на полдня отсрочила их возвращение на Родину!

На все телефонные звонки и вопросы дежурный диспетчер отвечал:

— Не беспокойтесь. Все в порядке. Самолет вылетает по расписанию,— и, смеясь, добавлял: — Разве этим парням погода помеха?

И вот поступила первая волнующая радиограмма:

«Самолет «ТУ-104», стартовавший с парижского аэродрома, взял курс на Москву. На борту Зиганшин, Поплавский, Крючковский, Федотов».

Самолет ведут известные летчики гражданского воздушного флота СССР Иван Орловец и Константин Соболев. Спустя некоторое время корреспондентам «Известий» удается связаться с ними.

— Как проходит полет? Как себя чувствуют ваши замечательные пассажиры?

— Все хорошо! Ребята прильнули к иллюминаторам. К сожалению, плотная облачность мешает им видеть родную землю. Парни, конечно, волнуются. Да и кто бы остался спокойным, шагнув с «того света» в жизнь?!

...На этом наш разговор кончается. Самолет зовут в эфире все аэропорты, над которыми он пролетает, все самолеты, идущие встречными и параллельными курсами. Все просят бортрадиста передать отважным воинам приветы, сердечно поздравить их с совсем уже скорым прибытием на родную землю.

А в это время на летное поле Внуковского аэродрома прибывают все новые и новые группы людей. Наиболее инициативные занимают лучшие «трибуны» на башенных кранах, на лесах строящегося здания.

На фронтоне аэровокзала пламенеет огромный транспарант с надписью: «Горячий привет отважным сынам нашей великой Родины — Асхату Зиганшину, Филиппу Поплавскому, Анатолию Крючковскому и Ивану Федотову!»

Гудят турбины реактивных кораблей, подруливающих к зданию аэропорта. Наконец на одном из них все видят знак: СССР-42460.

— Прибыли!..

И вот уже в иллюминаторах самолета видны родные, знакомые лица. Лес рук с цветами поднимается навстречу. Гремит оркестр. И кажется, светлее становится вокруг от маршевой музыки, от улыбок и приветственных возгласов встречающих.

Проходит минута, другая. И вот они — герои океана, победители стихии! Они появились в открытом люке воздушного корабля подтянутые, в шинелях, со знаками отличия. Кажется, в этот момент нет на свете лучше и красивее этих славных советских ребят.

Под возгласы «ура» и гром рукоплесканий они спускаются по трапу на родную советскую землю. Их встречает начальник главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал армии Ф. И. Голиков. Звучит рапорт:

— Товарищ генерал! Старшина баржи «Т-36» младший сержант Зиганшин, мотористы рядовые Поплавский, Крючковский и матрос рядовой Федотов прибыли на Родину!

Подобно волнам смыкается кольцо встречающих. Крепкие рукопожатия, поцелуи. Дети вручают отважным воинам цветы. Корреспонденты «Известий» передают им толстую пачку телеграмм, присланных в редакцию со всех концов Земли на имя покорителей океана.

— Спасибо, спасибо! — едва поспевают они отвечать на приветствия. И пожалуй, самым тяжелым и в то же время самым радостным и волнующим был для четверых воинов путь в несколько десятков метров от самолета до трибуны. Ведь каждому из встречавших хотелось взглянуть на лица героев, пожать их мужественные руки.

А пока по живому, волнующемуся коридору из сотен сияющих лиц, счастливых улыбок, сверкающих радостью глаз и протянутых с цветами рук они идут к трибуне, нам удается поговорить с только что прилетевшим в Москву из Новосибирска старшим братом Ивана Федотова — Николаем. В дни, когда Иван и его товарищи вели смертельную борьбу с Тихим океаном, Николай приезжал в отпуск к родителям в село Богородское-на-Амуре и вместе с матерью и отцом тревожился, что так долго нет писем от брата. Каким же счастьем сияют сейчас глаза Николая, как крепко он обнимает Ивана.

И вот они на трибуне.

Звучит гимн Советского Союза. По живому коридору людей четверка отважных в машинах направляется в город. И повсюду на Ленинском проспекте и других магистралях столицы тысячи москвичей сердечно приветствовали героев.

...Ослепительным светом залит Зал приемов Министра обороны СССР в строгом прекрасном здании с белоколонным фасадом на улице Фрунзе. Этот яркий утренний

свет — свет первого дня пребывания славной четверки воинов на родной советской земле, врываясь в высокие окна зала, сливается с блеском софитов. Отраженный белым лепным потолком, смягченный устлавшим весь зал золотисто-алым ковром, он озаряет десятки людей, собравшихся встретить четверку отважных.

Ровно в 11 часов оживленный говор, смех и беседы, в которых часто слышны имена — Зиганшин, Федотов, Поплавский, Крючковский,— вдруг на минуту смолкают... А вот и они — четверка отважных, чьей победой над океаном не устает восхищаться мир!

Строго держа равнение, их маленький строй входит в высокие двери зала. Навстречу им из дверей напротив в сопровождении генералов и офицеров выходит Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский.

В торжественной тишине, воцарившейся в зале, звонко, отчетливо слышится рапорт министру обороны младшего сержанта Асхата Зиганшина:

— Товарищ Маршал Советского Союза! Экипаж самоходной баржи «Т-36» в полном составе прибыл на Родину!

Министр обороны Родион Яковлевич Малиновский здоровается с каждым из четверых и, запросто, не по уставу, сердечно обняв за плечи Асхата, говорит взволнованно:

— Ну вот и очень хорошо, что вернулись!

Он приглашает всех к столу, и начинается задушевная, неторопливая беседа маршала, младшего сержанта и рядовых.

Зиганшин вкратце рассказывает, с чего началась их борьба со стихией, как баржу вынесло из бухты в открытый океан...

— Вашу бухту, конечно, только условно можно считать бухтой,— замечает министр обороны.— Я эти места

достаточно знаю. По сути, это тот же океан... Когда же вы почувствовали, что вас уже вынесло в него?

— Когда кончилось горючее, не раньше,— отвечают мотористы баржи рядовые Крючковский и Поплавский.— А до этого судно довольно успешно боролось с волнами и ветром.

— Значит, баржа мореходная,— с удовлетворением отмечает маршал.— Ведь по конструкции она непотопляема. И вы доказали, что это так. Вы доказали большее...

Маршал А. А. Гречко и генерал армии Ф. И. Голиков напоминают, как тяжел и опасен был дрейф.

— Да, погода зимой там суровая,— говорит задумчиво министр.— Ну, а что думаете делать теперь? В отпуск хочется? — спрашивает он солдат.

— Конечно хочется,— отвечает за всех четверых Иван Федотов.

— Ну, Федотова я понимаю,— улыбается маршал,— у него молодая жена, сын только что родился. А как товарищи Зиганшин, Поплавский, Крючковский?.. Небось, вам не терпится невест повидать?

Друзья весело смеются и тоже совсем не по уставу, что сейчас вполне понятно, немного смутившись, кивком отвечают маршалу.

— Так и порешим,— продолжает министр,— поезжайте по домам на пятнадцать дней в отпуск, а потом на месяц — в санаторий.

В заключение беседы маршал Р. Я. Малиновский подробно расспросил воинов о том, как сейчас поживают их близкие и родные. Вручая отважным воинам памятные подарки — именные штурманские часы,— министр в шутку говорит:

— Это чтобы вы никогда не блуждали, никогда не теряли курса...

В тот же день четверых друзей тепло приветствовали в Центральном Комитете Комсомола. Одна из самых волнующих встреч произошла в вестибюле ЦК.

Когда отважные воины спустились по лестнице, к ним подошла белокурая девочка — первоклассница Машенька Профферансова. Она протянула Анатолию Крючковскому красивый конверт, на котором цветными карандашами было нарисовано бушующее море, баржа с номером «Т-36» и на ней четыре солдата с красными звездочками на пилотках.

Маша хотела что-то сказать, но смутилась и произнесла только:

— Это от меня и от нашего класса...

Анатолий взял девочку на руки и поцеловал. А Маша, крепко обняв ручонками шею солдата, прижалась к его щеке. Кругом была масса людей. Фоторепортеры ослепляли всех молниями блицев, а юноша в солдатской шинели стоял с девочкой на руках, и оба не скрывали волнения.

Когда воины уехали, Машу спросили, что́ она написала в письме.

— Там написано, что я каждый день до десяти часов вечера слушаю про них по радио и дедушка на меня не ругается за то, что я так поздно не ложусь спать. А еще я написала, что теперь знаю, что такое «один за всех и все за одного», и что все октябрята из нашего класса хотят вырасти такими же смелыми...

Утро 2 апреля, весеннее утро пятого дня пребывания славной четверки воинов на родной советской земле, в Москве,— это утро выдалось хмурое. Но у каждого из четверых, и не только у них,— у всех, кто в тот ранний утренний час пришел с четверкой отважных в Кремль, в душе все пело от радости. Да, у них этот день навечно останется в памяти.

Волнуясь, они вступили под гулкие своды Спасских ворот. Да и как тут не волноваться? Ведь ребята впервые в Москве, в Кремле, где жил и работал Ленин. Каблуки их новых солдатских сапог стучат по тем же камням брусчатки, по которым и он, наверно, ходил. Глаза их видят неповторимый облик Кремля, которым всегда любовался Ильич...

Друзей приглашают в Зал заседаний Президиума Верховного Совета СССР. Все вокруг очень строго и просто. Но едва они переступили порог скромного светлого здания, как в вестибюле навстречу им снова хлынул поток приветствий. Стараясь не выдать волнения — оно видно по их глазам, по их смущенным счастливым улыбкам,— воины входят в зал.

Воцарилась торжественная тишина. В зале появляются заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР, Председатель Президиума Верховного Совета Украинской ССР Д. С. Коротченко, Маршал Советского Союза А. А. Гречко. Все встают. Как по команде «смирно», застыла четверка отважных солдат.

Оглашается Указ Президиума Верховного Совета СССР. За проявленное мужество при выполнении воинского долга и стойкость в борьбе с силами стихии героев награждают орденом Красной Звезды. Первому этот орден Демьян Сергеевич Коротченко вручает младшему сержанту Асхату Зиганшину. Он крепко пожимает мужественную, сильную солдатскую руку, сердечно поздравляет воина с заслуженной наградой.

— Служу Советскому Союзу! — взволнованно звучит в ответ чистый юношеский голос.

«Служу Советскому Союзу!» — эти три гордых слова еще трижды звучат в зале, когда Д. С. Коротченко вручает ордена Филиппу Поплавскому, Анатолию Крючковскому и Ивану Федотову, горячо поздравляет их и желает больших успехов в жизни.

— От имени своих товарищей,— говорит Асхат Зиганшин,— от всего сердца благодарю за высокую награду, за заботу и внимание, которыми нас окружили. Большое солдатское спасибо Родине, Коммунистической партии, Комсомолу, Советской Армии за то, что они научили нас преодолевать трудности. Высокая правительственная награда, приветственная телеграмма Никиты Сергеевича Хрущева и волнующая встреча нас на родной земле запомнятся на всю жизнь...

После вручения орденов Д. С. Коротченко от имени ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства еще раз сердечно поздравил награжденных.

— Будьте примером для воинов, и не только воинов,— говорит Д. С. Коротченко.— Вы военные люди и вы должны учиться, осваивать новую военную технику, должны стойко беречь великую Родину и тем самым тоже бороться за мир...

Представители молодежи столицы, старшие офицеры прикрепляют на мундиры солдат ордена.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В жизни всегда есть место для подвига!

Жизнь! Ведь ты для его свершения не выбираешь наверняка самых сильных и самых опытных. А разве ты их предупреждаешь? Твой выбор, как правило, слеп. И испытания, которые ты громоздишь, бывают подчас настолько жестоки, что даже не снились людям.

...Жизнь четверки висела на волоске. Но пока есть хотя бы искра, пока не захлестнул ее соленый шквал, жизнь не может тлеть и чадить. Она должна полыхать до конца. Светло и жарко, с надеждой и верой.

О конце даже не было мысли. Не могло быть и не должно. Анатолий Крючковский, Асхат Зиганшин, Иван Федотов, Филипп Поплавский крепко помнили это.

...Мы узнали о них не из книг. Это быль наших дней. Этот случай не исключение. Кто они? Что за люди? Может, гигантского телосложения? Может, огромной физической силы? Наконец, может быть, в свои двадцать с немногим каждый из них уже проходил дорогой больших испытаний?

Так и казалось нам всем вначале, когда с борта авианосца «Кирсардж» поступили первые радиограммы о подвиге славной четверки. В воображении многих людей тогда рисовались богатыри, какие-то «сверхчеловеки».

Но вот газеты уже напечатали краткие их биографии. Бильд принес из Америки снимки. И сами они уже с нами, на Родине, в своей воинской части на Дальнем Востоке. Обыкновенные, среднего роста ребята, с чуть заметной спортивной выправкой. Простые чудесные лица! Как будто даже чем-то знакомые... Теперь, наверное, вы вспоминаете: вроде, я видел этого парня, пусть не его, но с такой же застенчивой чистой улыбкой, как у Филиппа Поплавского... Да, я знаю того и того. Вернее, взгляд его, твердый и ясный, как у Асхата Зиганшина. Я всегда улыбаюсь навстречу людям, которые смотрят так же на мир — чуть задумчиво, весело и открыто, как смотрит Иван Федотов. И всегда мне спокойно, когда рядом со мной люди крепкие, словно дубки,— такие, как Толя Крючковский.

Да, все четверо — обыкновенные парни из рабочих, крестьянских семей. Из советских семей. Из советской школы. Из трудовых коллективов. А этим, пожалуй, сказано все.

Когда они только еще родились и делали первые в жизни шаги, то, наверное, в кровь и плоть впитали мужество и героизм, с которым народ наш одолевал войну.

Им было всего по шестнадцати лет, когда их товарищ по комсомолу тракторист Иван Хмара геройски вступил в схватку со льдами Антарктики и, спасая трактор, тонувший в море, погиб, но сумел победить.

И они победили!

Какое же нужно мужество, какая стойкость и вера, чтобы суметь победить отчаяние! Все эти качества полной мерой есть в характере каждого из четверых. Они доказали миру, природе, что нет пределов для советского человека, который хочет жить и трудиться на доброй большой Земле, который создает новое общество, строит коммунизм.

СОДЕРЖАНИЕ

Первая схватка 5
Шторм крепчает 12
Солдатская клятва 18
День рождения 23
Борьба за огонь 29
На флаг — смирно! 34
Корабль на горизонте 42
Америка восхищена 56
Здравствуйте, победители! 65

БИБЛИОТЕКА «ИЗВЕСТИЯ», № 5

Редактор *А. Плющ*

Художник *Е. Капустин*

Технический редактор *Э. Яров*. Корректоры *Т. Легостаева, М. Федотова*

Б 00718. Подписано в печать 30/V 1960 г. Формат 70×108¹/₃₂. Печ. л. 2,5.
Усл. печ. л. 3,425. Уч.-изд. л. 3,33. Тираж 50.000. Зак. 973.

Цена 1 руб.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР»
имени И. И. Скворцова-Степанова. Москва, пл. Пушкина, 5.

0-15

1 руб. 0.20 +

сохх

1 экз